

Б И Б Л И О Т Е К А

ISSN 0132-2095



ОГОНЁК

№ 6

1981



Альбергас ЛАУРИНЧИЮКАС

КАПЛИ ГРЯЗИ И ЦВЕТЫ ДРУЖБЫ

М О С К В А
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«П Р А В Д А»

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 6

Альбертас ЛАУРИНЧЮКАС

КАПЛИ ГРЯЗИ И ЦВЕТЫ ДРУЖБЫ

Москва. Издательство «ПРАВДА»

1981

Альбертас ЛАУРИНЧЮКАС

Альбертас Казевич Лауринчюкас, литовский писатель и журналист, родился в 1928 году в г. Шяуляе. Получив педагогическое образование, пять лет преподавал физику в средней школе, затем работал в педагогической печати. С 1954 года редактировал республиканскую молодежную газету «Комъяунимо Тиеса» («Комсомольская правда»).

В 1960—1963 годах работал корреспондентом газеты «Сельская жизнь» в США. Вернувшись на родину, написал книгу «Третья сторона доллара», за которую получил республиканскую премию имени Капсукаса. Работал в ЦК КП Литвы. В 1968—1970 годах представлял в США газету «Москоу ньюс». В настоящее время — редактор республиканской газеты «Тиеса».

А. Лауринчюкас — депутат Верховного совета Литовской ССР, председатель Союза журналистов Литвы.

Советскому и зарубежному читателю он знаком по книгам очерков «Медное солнце», «Черная кровь», «Тени Пентагона». Четыре пьесы А. Лауринчюкаса — «Средняя американка», «Мгновение истины», «Цвет ненависти», «Последняя просьба» — поставлены театрами Литвы, Российской Федерации и других республик. Написал книги рассказов для детей.

Международным союзом журналистов за заслуги в борьбе за укрепление мира, международной солидарности и взаимопонимания между народами А. Лауринчюкас награжден медалью Юлиуса Фучика.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА ПО-АМЕРИКАНСКИ

*Была деревня и деревни нет.
Неправда!
Есть деревня эта.
Есть!
Она горит и по сей день,
Сегодня.—
И будет до тех пор гореть, пока
Те, кто поджег деревню эту, живы.*

Юстинас Марцинкявичюс

В феврале 1980 года Госдепартамент передал комиссии по иностранным делам конгресса Соединенных Штатов обширнейший документ (более 900 страниц!), повествующий о проведенной правительством США в 1979 году пропагандистской работе по вопросу о правах человека. Здесь — разумеется, с точки зрения Белого дома — рассматривается юридическая ситуация прав человека во всех без исключения независимых государствах мира. Однако о нарушениях прав человека в самих Соединенных Штатах нет ни единой строчки!

Читаешь этот документ и дивишься: чего там больше — злобной лжи, порожденных фантазией миражей или грубой клеветы. Есть там, в частности, и некоторые высказывания о Советской Литве...

Каким же бесстыдством надо обладать, чтобы, не имея на то никаких полномочий, говорить о жизни и делах литовского народа, не замечая того, что творится в собственной стране! Взять хотя бы недавний взрыв расовой ненависти в Майями.

Нет и не может быть прогрессивного расизма, чуткой мизантропии, миролюбивого империализма. Не существует и белой лжи. Ложь всегда черна, даже если она рождена Белым домом.

У входа в здание ООН в Нью-Йорке организаторы «Недель поработенных народов» оборудовали большую витрину, где вдоволь наляпано и дегтя и ядовитых брызг ненависти к прогрессу. Частенько

проходил я мимо этой витрины, и случилось мне видеть, что ее экспозиция менялась, но прохожие равнодушно взирали на все новые и новые выдумки фальсификаторов. А большинство и вовсе не смотрело в ту сторону: американцам надоела постоянная ложь. Все меньше верят они и речам, сотрясающим купол Капитолия, и заявлениям Белого дома.

Президент США, громогласно объявивший себя защитником прав человека во всем мире, сел в лужу, ибо невозможно скрыть тот факт, что Америка стала ныне цитаделью цинично поправленных основных прав человека — права на труд, на расовое равноправие, на социальную справедливость. Более того, эта страна является покровительницей военных, уголовных и иных преступников, бежавших из своих стран и нашедших приют в США. Здесь сегодня прекрасно себя чувствуют все, кто нарушает законы человечности. Разумеется, президент США об этом умолчал. Однако, если он молчалив, это еще не значит, что молчать должны все.

Кто не слыхивал о докторе Айболите? Удивительный доктор — искренний друг и защитник ребят и зверят во всех бедах и несчастьях. Однако мало кому известно, что прототипом этого литературного героя послужил Корнею Ивановичу Чуковскому живший в Вильнюсе доктор Тимофей Осипович Шабад. Это был человек, пользовавшийся огромной любовью и уважением многих и многих обездоленных и обиженных. Бедняков он лечил бесплатно. 21 октября 1905 года царские сатрапы расстреляли на улицах Вильнюса мирную демонстрацию трудящихся. Доктор Шабад смело встал на сторону людей, борющихся за свои права. Через несколько дней он был арестован и брошен в Лукишкискую тюрьму, где познакомился с известным революционером Мечиславом Козловским. Во время революционных боев 1917—1918 годов Шабад оказывал медицинскую помощь борцам за Советскую власть в Литве. Его любили не только взрослые, но и дети. Они приносили ему на лечение больных собак, кошек, голубей.

Корней Чуковский, много раз еще до революции приезжавший в Вильнюс, обычно останавливался у доктора Шабада. В письме, написанном 5 апреля 1967 года из Переделкина вильнюсскому историку Владиславу Бикуличу, Корней Иванович вспоминал: «В Вильнюсе (тогдашней Вильне) я познакомился с доктором Шабадом. Он пригласил меня поселиться у него. Семья была прекрасная, очень радушная...»

Когда гитлеровские оккупанты убивали в Литве детей, доброго Айболита — доктора Шабада — уже не было в живых: он умер в 1935 году. В память о нем перед детской лечебницей в одном из районов Вильнюса, на Антакальнисе, был установлен бюст с надписью: «Большой друг детей — доктор Т. О. Шабад». Больничный сторож в первые дни оккупации спрятал этот бюст от фашистов и сохранил его.

Находясь на журналистской работе в США, я познакомился с сотрудником газеты «Нью-Йорк таймс», фамилия которого тоже была Шабад, рассказал ему эту историю и поинтересовался, не является ли прототип Айболита его родственником. Американский журналист подтвердил, что его родные действительно жили в Вильнюсе и один из них был известным врачом.

— Не следует ли вам,— спросил я его,— хотя бы из уважения к памяти удивительного вильнюсского доктора Айболита, рассказать американским читателям о тех, кто помогал оккупантам уничтожать людей в Вильнюсе, а сейчас нашел приют в США?

— Им не будет от этого ни жарко, ни холодно: в нашей стране у них есть влиятельные покровители,— ответил он.

Вспомнились мне слова этого американского журналиста, когда в 1974 году прочитал я в газете «Нью-Йорк таймс» статью Ральфа Блюментала «США начинают новую акцию против бывших нацистов». В этой статье шла речь о проживавших в США преступниках, список которых находится у чиновников службы иммиграции и натурализации США. В списке (газета опубликовала, правда, лишь 38 фамилий) стояли и имена католического ксендза Лионгинаса Янкаускаса (Янкуса) и Антанаса Импулявичюса (Имполенаса), которые за убийства тысяч людей были заочно судимы в Советской Литве.

Может, у властей США проснулась совесть? Не тут-то было! Оказывается, Антанас Импулявичюс и ксендз Лионгинас Янкаускас к тому времени уже умерли. Про них-то и осмелилась написать «Нью-Йорк таймс». А где другие убийцы, нашедшие убежище в США? О них — молчок!

Редакция газеты «Тiesa», в которой я работаю, недавно получила письмо. Американские журналисты Чарльз Никодем и Вильям Клемент, прочитав в газете «Тiesa» статью журналиста Витаутаса Жеймантаса о Людвикасе Кайрисе, Владасе Заянчкаускасе, Вильгельмесе Бальчисе и других участниках страшных преступлений, совершенных ими в годы гитлеровской оккупации в Литве и в польском концлагере Трешлинка, а теперь благоденствующих в стране дядюшки Сэма, попросили нас прислать дополнительные документальные доказательства вины этих людей для публикации их в печати. «Это письмо мы пишем по следующей причине: начиная с сентября 1976 года мы поместили в газете «Чикаго дейли ньюс» серию статей о военных преступниках, живущих в нашей стране,— сообщают американские журналисты.— Цель этих статей — воздействовать на наше правительство, чтобы оно стало действовать оперативнее. Справедливость требует, чтобы преступления, совершенные во время войны, были расследованы. Мы считаем, что военные преступники, проживающие в нашей стране, должны быть разоблачены и правительство США как можно скорее должно принять против

них меры. Поэтому нас особенно интересуют материалы о проживающем в нашем городе Л. Кайрисе...»

Выполнить просьбу чикагских журналистов было нетрудно, потому что сохранились не только живые свидетели, но и неоспоримые документальные доказательства того, что упомянутые лица, прислуживая оккупантам, совершали массовые убийства на территории Советского Союза и Польши. Все эти доказательства и документы были опубликованы в статье В. Жеймантаса. Почему же понадобился американским газетчикам дополнительный материал?

Чикагские журналисты, прочитав опубликованную в «Тиесе» статью, позвонили Людвикасу Кайрису домой. Человек, снявший трубку, заявил, что он действительно Кайрис, но не тот, о котором писала «Тиеса», не Людвикас, а Людас. Это, дескать, ошибка. Телефонный звонок раздался и в Вильнюсе, в редакции «Тиесы». Подняв трубку, я узнал, что звонят журналисты из Чикаго. Не только в письме, но и по телефону попросили они подтвердить, что военный преступник Людвикас Кайрис и Людас Кайрис — одно и то же лицо, лишь несколько изменившее имя.

Вильнюсский журналист В. Жеймантас предоставил им дополнительные документальные доказательства, послал фотографии. Вскоре эти материалы были опубликованы в газете «Чикаго сан таймс». Американские читатели узнали, что по их земле ходит и их гостеприимством пользуется человек, совесть которого отягощена убийством тысяч детей, женщин, стариков.

Однако на том все и кончилось. Разоблачение Кайриса было подобно буре в стакане воды, ее немедленно погасили те, кто громко кричит о мнимых нарушениях прав человека в Советском Союзе и других социалистических странах. Кайрис продолжает себе преспокойно проживать в Чикаго, на авеню С. Монтгомери, № 4046. В том же Чикаго живет другой военный преступник — католический епископ Винцентас Бризгис; в Харфорде — активный участник массовых убийств в Кряжяй Бронюс Каминкас, в Вустере — палач из Треблинки Владас Заянчкаускас, ныне называющий себя Заком, в Кливленде — убийца невинных людей в Жемайтии Антанас Глодянис, в Нью-Йорке — бывший гестаповец, командир отделения СД, убийца Стасис Ченкус и т. д.

В последнее время ряды этих убийц, находящихся под защитой доллара, пополнили еще и воздушные пираты Пранас и Альгирдас Бразинкассы. 15 октября 1970 года они захватили советский самолет, во время этой подлой акции погибла стюардесса Надежда Курченко. Ее могила в сухумском парке и шрамы от ран у летчиков Георгия Чахракия и Валерия Фадеева напоминают о страшном преступлении. Верховный суд Турции не признал за воздушными пиратами Бразинкассами прав политических беженцев, однако этих подлецов не передала советским органам правосудия.

23 июня 1976 года они укрылись в посольстве США в Турции, затем переехали в Рим, где их взяла под свое покровительство литовская католическая коллегия святого Казимира. Потом они попали под опеку католических священников в Венесуэле, оттуда полетели в Канаду, но, когда самолет сделал остановку в нью-йоркском аэропорту, отец и сын Бразинскасы «заблудились». На следующий день в Нью-Йорке «заблудившийся» сын женился на гражданке США Вернадете Милияускайте, а отец укрылся в доме настоятеля. Когда честные американцы узнали об этом циничном, заранее спланированном литовскими националистическими эмигрантами (с ведома государственных органов США!) акте грубого нарушения международного права, послышались голоса протеста. Однако воздушные пираты Бразинскасы и по сей день неплохо чувствуют себя в США, тем более что среди их покровителей есть люди, заседающие на Капитолийском холме. Вот кому служит заокеанская фемида!

18—23 июля 1979 года Верховный суд Литовской ССР рассматривал в Вильнюсе дело о тяжких преступлениях Ионаса Плунге, совершенных им в годы гитлеровской оккупации, и осудил его по статье 62, часть I, уголовного кодекса Литовской ССР. Прежде чем предстать перед судом, обвиняемый много лет скрывался под чужой фамилией. Он принимал участие в расстрелах тысяч мирных жителей Каунаса, Минска, Кайданова, Слуцка, в числе его жертв были дети, женщины, старики.

О судебном процессе над этим военным преступником написала «Тiesa». Спустя несколько дней в редакцию стали поступать письма из США, ФРГ, Франции. Бросалась в глаза интересная деталь: большинство этих отправленных из разных городов и стран писем написано как бы одним почерком. Их авторы требовали смягчения наказания осужденному военному преступнику.

«Обращаюсь к совести всех людей, прося о снисхождении для осужденного в Вильнюсе Ионаса Плунге,— писал некий Клаудиус Кан из Шербурга.— Будучи французом и членом организации «Международная амнистия», я верю, что справедливость и милосердие победят...»

Читая это и другие подобные послания, я невольно вспомнил милосердие доктора Айболита, вспомнил сожженную нацистами литовскую деревню Пирчюпис, чешскую Лидице, белорусскую Хатынь, Орадур во Франции. В Орадуре 10 июня 1944 года эсэсовцы убили около 1000 французов. Мужчин они расстреляли, а детей, женщин и больных загнали в церковь и взорвали ее. Автор письма из Франции, призывая к милосердию по отношению к Ионасу Плунге, убийце мирных жителей Литвы, Белоруссии и Украины, тем самым амнистирует и виновников трагедии Орадура. Такое милосердие не имеет ничего общего с гуманизмом!

В те дни «Тиеса» получила из Франции еще одно письмо. Его прислал генерал Пьер Пуйяд, лауреат Ленинской премии «За укрепление мира между народами», президент общества «Франция — СССР», бывший командир полка «Нормандия — Неман».

21 июля 1944 года приказом Верховного главнокомандующего французскому авиационному полку «Нормандия» за участие в форсировании Немана было присвоено имя «Нормандия — Неман». В своем письме генерал рассказал читателям «Тиесы», как находившийся под его командованием авиационный полк участвовал в боях за Литву, в операциях по освобождению Вильнюса, Каунаса и Таураге.

«Летом 1978 года, — писал Пьер Пуйяд, — вместе с журналистом Ивом Курьером и бывшим командиром 303-й авиадивизии генералом Г. Захаровым мне вновь довелось побывать в Литве. Мы посетили Вильнюс и Алитус. Теперь это цветущий край, где все радует глаз: прекрасные поля, города и деревни, дороги, заводы и жилые кварталы. В небе Советского Союза мы сражались за освобождение и счастье родной Франции, однако нам не была безразлична судьба народов, стонавших под игом фашистского рабства. Мы радовались, что освобождается литовская земля, однако думали: «Кто же освободит Францию?» Союзники все откладывали открытие второго фронта в Европе, а тем временем гитлеровцы превратили Францию в разоренную и нищую страну. Наконец пробил радостный час: 23 августа 1944 года в Алитусе мы услышали, что освобожден Париж. Вот почему нам так дорог Алитус!»

Со скорбью думаю о том, что едва «Тиеса» успела опубликовать волнующее письмо борца-антифашиста, как из Франции пришло горькое известие: генерал Пьер Пуйяд скончался. Быть может, это было его последнее письмо...

Знают ли французы — члены организации «Международная амнистия» о летчиках полка «Нормандия — Неман», об их борьбе против фашизма, оставившего столько ран и на французской земле?

В то время, как в Литву шли из Франции письма, сфабрикованные организацией «Международная амнистия», наша республика готовилась к Дням культуры СССР во Франции. Делегация Советской Литвы, принимавшая участие во впечатляющих встречах с французской общественностью, продемонстрировала, чего достиг литовский народ, следуя по пути социализма. Во время дней культуры СССР во Франции не было забыто и прошлое: наши посланцы всюду возлагали цветы к памятникам и на могилы борцов Сопrotивления.

Да, всемогущее время многое излечивает, однако есть раны, которые не способно залечить даже оно. Фашизм, эта коричневая чума, еще так недавно свирепствовавшая на просторах Европы, оставила свои следы — Бухенвальд и Трeблинку, Варшаву и Хатынь, Пирчюпис и Орадур. Недаром Организация Объединенных Наций

приняла решение о том, что срок давности не должен распространяться на военных преступников, на преступления против человечности.

В свое время в Нью-Йорке на одном из сборищ литовских буржуазных националистов — «освободителей» сенатор Карл Мунт из штата Южная Дакота заявил: «Путь к освобождению Литвы лежит через Вьетнам». Литовские реакционеры подхватили эти слова и в течение нескольких лет упорно твердили их. Сегодня они звучат, как пластинка со свадебной полькой, заведенная на похоронах.

После провозглашения американским сенатором упомянутого воинственного лозунга нью-йоркское издательство «Праксис прогрес» выпустило книгу американского писателя и журналиста Филиппа Боноски «За границами мифа: от Вильнюса до Ханоя».

Когда летом 1959 года Филипп Боноски, посетив Вильнюс, дружески протянул мне руку, я уже немного знал о нем: прочел его книгу «Пылающая долина», в которой он рисовал реальности американской жизни. Затем мы вместе совершили поездку по Советской Литве. Волнующая встреча произошла у нас с рабочими в городе Шяуляй. Родители Филиппа Боноски — Ионас Баранаскас и Барбора Мачюлите — родом из этого города. Отсюда давно-давно отправились они в Америку в поисках счастья. Позднее мне нередко доводилось встречаться с Филиппом в Нью-Йорке. Когда стала выходить газета американских коммунистов «Дейли уорлд», он был приглашен туда работать редактором отдела культуры. В настоящее время он собственный корреспондент этой газеты в Москве.

В книге «От Вильнюса до Ханоя» Ф. Боноски описал две страны — живущую созидательным пафосом Советскую Литву, какой узнал ее во время своих многократных посещений, Литву, идущую по пути социализма, и Вьетнам — страну поэзии и труда, которую в ту пору топтали и пытались потопить в крови американская военщина, выполнявшая приказы Пентагона и Белого дома.

Писатель побывал во Вьетнаме. Своими глазами видел трагедию народа, не сломленного страшными бедами и страданиями. Поборник справедливости и прогресса, он решительно встал на сторону борющихся за свою свободу народов Юго-Восточной Азии. Тепло вспоминая о детях Вьетнама, он пишет: «Нелепо нам, американцам, считать, что мы можем отправляться во Вьетнам и продолжать то, что начали французы. Отцы этих детей вынуждены будут уничтожать американских солдат, как топчут саранчу, убивают моль, туберкулезных бацилл, москитов и чуму». Убедительно звучат последние строки книги «От Вильнюса до Ханоя»: «Вильнюс защищают в небе Ханоя! Ханой защищают на заводах Вильнюса! Это самое великое единство в наше время».

Пророчество сенатора из Южной Дакоты не сбылось. Войки США с позором убрался из Вьетнама, а Советская Литва не нуждается в заокеанских «освободителях»!

Однако не следует думать, что живущие в США граждане литовского происхождения поголовно все — враги Советской Литвы. Это далеко не так. Кроме гитлеровских прихвостней и буржуазных националистов, там живут тысячи и тысячи литовцев — детей и внуков тех труженников, которые вынуждены были эмигрировать со своей родины в тяжелые годы царизма, в годы мирового экономического кризиса...

О тяжелой жизни литовских эмигрантов в США первым ярко поведал известный американский писатель Эптон Синклер в своем романе «Джунгли». Именно эта книга выдвинула ее автора в ряды известнейших писателей мира. «Наконец-то она вышла, книга, которую мы ждали столько лет! Вторая «Хижина дяди Тома» — о рабстве рабочих. Книга товарища Синклера «Джунгли»! Как «Хижина дяди Тома» сослужила службу черным рабам, так «Джунгли» имеют большие возможности послужить сегодня белым рабам», — писал об этом романе Джек Лондон.

Когда Эптон Синклер скромно праздновал свое 90-летие, к писателю пришли его сын с женой и четверо американских журналистов. Автору знаменитых «Джунглей» они принесли торт с 90 свечками. Местная газета уделила этому событию 23 строки.

Когда я путешествовал по Калифорнии, у меня была надежда познакомиться с автором «Джунглей». К сожалению, найти его тогда не удалось.

Но вот однажды встретились мы в Нью-Йорке с американским публицистом Джозефом Нортон, который похвастался, что был в гостях у Эптона Синклера.

— Где же он живет? — поинтересовался я.

— Совсем недалеко. За рекой Гудзон, в штате Нью-Джерси, в доме для престарелых «Саммерсет вэлли».

И я поехал к писателю.

В садике, который окружал одноэтажный дом современных форм, в шезлонгах и креслах отдыхало несколько человек, доживших до глубокой старости. Каждый, кто видел фотографии Эптона Синклера, без труда узнал бы его из множества людей. Писатель сидел в кресле на колесиках и держал в руках томик сочинений Джека Лондона.

Я представился.

Писатель улыбнулся. Его улыбка сделала солнечный садик еще уютнее.

У меня перед глазами мелькнула картина, которую я видел на одной из фотографий, где Эптон Синклер стоит рядом со стопой написанных им книг. Стопа выше самого автора, и он, даже подняв руки, не мог дотянуться до ее верха. За свою жизнь он написал 90 книг, по одной в год!

В романе «Джунгли» правдиво описаны нищета и невзгоды рабочих чикагских боен, мелкие повседневные заботы их жизни.

Жестоко и безжалостно эксплуатировали трудящихся на этих бойнях. Работали они в невыносимых условиях, на собственной шкуре познавая все ужасы джунглей капиталистического рая. Неприкрашенная правда, перенесенная из реальной жизни на страницы книги, была подобна взрыву бомбы, которая потрясла всю Америку.

Представившись Эптону Синклеру, я сказал, что меня особенно интересует литовская тема «Джунглей», и попросил писателя вспомнить о тех обстоятельствах, которые привели его к мысли о создании «Джунглей».

— Трудолюбивые, скромные, терпеливо переносящие жесточайшие условия литовские рабочие произвели на меня в то время огромное впечатление. Именно под этим впечатлением и родились мои «Джунгли», — ответил он. — Я знал, что эта книга тогда же была переведена и на литовский язык, и меня это очень обрадовало.

— Что побудило вас сделать героями своего романа семью литовских эмигрантов?

— Редактор журнала «Эппил ту Ризон» предложил мне написать книгу о современных белых рабах, получающих зарплату. Мне выдали 500 долларов аванса, и я отправился в Чикаго. Там-то и познакомился я с литовскими эмигрантами. Жил в их среде около двух месяцев. Мы сдружились. Литовцы рассказали мне множество ужасных историй, к примеру, узнал я, что из-за полного пренебрежения хозяев к охране труда в кипящий, расплавленный жир, случалось, падали рабочие и никто не извлекал их из чанов! Семья лишалась кормильца, а фабриканты продавали жир как продукт высшего сорта! Однажды, пока я жил в Чикаго и наблюдал угнетение одних и обогащение за их счет других, меня пригласили на литовскую свадьбу. Эта свадьба оставила в моей душе неизгладимый след. Покидая праздник, я в мыслях уже писал первую главу своего романа. Работал я над ним с глубокой болью в сердце и со слезами на глазах. Когда закончил, пять книжных издательств, куда я предлагал рукопись, отказались ее печатать. Но все-таки книга вышла! Она вызвала бурю. Была создана комиссия для проверки приведенных мною фактов, а потом приняты законы, потребовавшие от фабрикантов, чтобы они придерживались хотя бы элементарных санитарных норм. Так именно литовские рабочие помогли мне создать роман, и я глубоко благодарен им. Они отдали Америке свои силы и здоровье.

О том, как бедствия и унижения приходилось переживать литовским эмигрантам в США, как попирали их человеческие права, ярко свидетельствует история Антанаса Бимбы, многолетнего редактора издающейся в Нью-Йорке прогрессивной газеты американских литовцев «Лайсве».

В Америку он приехал в 1913 году из деревни Ужусеней Рокишского уезда Литвы. Работал литейщиком в Бурлингтоне, на

бумажном комбинате в Румфорде, затем учился в университете в Вальпарайсо, участвовал в прогрессивном движении американского пролетариата. Стараясь лучше узнать прошлое своей новой родины, изучал ее историю. Он своими глазами видел, в какой тяжелой, подчас кровавой борьбе вырывают американские рабочие у своих хозяев возможность существовать по-человечески, как вынуждены они добиваться того, что по праву давно заработали своими руками. Бимба понимал, что борьба рабочего класса будет успешной лишь в том случае, если каждый труженик узнает правду о вчерашнем дне, станет учиться на ошибках прошлого. И он решил написать книгу «История рабочего движения в США».

Эту книгу в 1925 году издало Литературное общество американских рабочих-литовцев. Несколькими дополнив свой труд, Бимба издал его и на английском. «История рабочего движения в США» была переведена затем на русский язык, увидела свет в Москве. Озлобленные книгой Бимбы американские реакционеры решили расправиться с ее автором.

Передо мной лежит кипа газет, журналов, документов 1926 года. Огромные, через всю газетную полосу заголовки гласят: «Арест Бимбы не имеет серьезных оснований» («Вестерн ивнинг пост»), «Бимба признан виновным в агитации» («Бостон тревел»).

Страницы газет пожелтели от времени, но страшная правда, которая в них запечатлена, жива и сегодня.

В 1926 году Антанас Бимба развезжал по США с лекциями. На конкретных примерах он разоблачал преступления, творимые в Литве буржуазией и духовенством, рассказывал, как буржуазные правители, прикрываясь лозунгами «величия нации», грабят и угнетают литовский народ, говорил о том, что так называемая «независимость» Литвы не дала ее народу ничего, кроме перекрашенных в новый цвет старых цепей эксплуатации.

26 января Бимба прибыл к литовцам Монтеллы. После лекции, которая имела большой успех, он выехал в Уорчестер. Однако по дороге его догнала и арестовала полиция. Его обвинили в том, что он оскорблял бога и занимался подстрекательством против правительства.

Оказалось, что в штате Массачусетс имел силу закон, принятый еще во времена инквизиции. Закон этот всеми был давным-давно позабыт, и многие десятилетия к нему никто не обращался. Но реакция сдула пыль со старинных фолиантов и объявила: Антанас Бимба нарушает законы и должен понести наказание. По закону, вошедшему в силу еще на заре создания Соединенных Штатов, по закону, где нашли свое отражение нравы и мораль инквизиторов, никто не имел права сомневаться в существовании господина бога, а тем более побуждать других к неверию.

После ареста литовские и американские черносотенцы развернули активную кампанию за осуждение Бимбы. Они собирали подписи под обращением, требовавшим самого строгого наказания «преступника», и деньги для подкупа «свидетелей». Если сбор подписей под петициями провалился, то деньги — из туго набитых карманов фабрикантов и ксендзов — валом валили в кассы реакционных организаций. Среди пожертвователей были даже «Колумбийские рыцари», к числу которых принадлежал католический кардинал О'Коннели. Удалось раздобыть и свидетеля — спившегося сапожника Юодейкиса. Что представлял собой этот «свидетель», ясно видно из предъявленного защитником суду документа полиции Монтеллы, в котором было черным по белому написано, что свидетель Юодейкис уже 12 раз был судим за пьянство и дебоши. Организаторы «дела» в расчете на широкую поддержку общественности напечатали на первой странице газеты «Бостон геральд» специально подобранные отрывки из лекции Бимбы, где он излагал свои взгляды на религию, ее прислужников и на буржуазию. Но тысячи американцев, прочтя эти выдержки, не только не осудили их автора, но даже встали на его сторону.

Итак, обвинители располагали подкупленными свидетелями и покрытым пылью и паутиной законом об оскорблении бога. Последнее инквизиторское судилище, опиравшееся на этот закон, состоялось в 1834 году.

На защиту Антанаса Бимбы встала вся прогрессивная Америка. Обвиняемого поддерживала либеральная организация «Союз гражданских свобод» и другие. Они созывали митинги, на которых собравшиеся высказывались за прекращение позорного «дела». Но власти запрещали эти митинги, так было в Броктоне, Уорчестере и многих других городах.

Суд вынес постановление о взыскании с обвиняемого штрафа в 100 долларов. Такое решение было принято не случайно.

3. Шеф, профессор права Гарвардского университета, делает в своей книге следующие выводы: «Вина Бимбы среди определенных слоев населения была predetermined заранее, еще до решения суда... В свете этих фактов дело Бимбы приобретает совершенно иной аспект: был судим не он — окружающее его общество».

Газета «Лайсве» в те дни писала: «Реакции было очень важно заткнуть рот Антанасу Бимбе. Глядя со стороны, кажется, что они достигли цели. Но если взглянуть на дело повнимательнее, станет ясно, что обвинители его ничего не достигли, так как вызвали у рабочего класса еще больший интерес к выступлениям Бимбы и других лекторов...»

В 1946 году, едва только угасло пламя войны, Антанас Бимба приехал в Советскую Литву как гость и как друг. Вернувшись в Америку из поездки, продолжавшейся несколько месяцев, он

написал книгу «Возрожденная Литва», которая была издана литературным обществом литовцев-рабочих в Америке.

«Я видел в Литве не только развалины и раны войны,— писал Бимба в своей книге.— Я видел Литву, поднимающуюся из развалин к новой жизни. Она поднимается, смелая и величественная... Она готовится к большому и чудесному будущему».

И снова эмигрантская реакция набросилась на автора. 18 декабря 1963 года одна из крупнейших газет США, «Нью-Йорк таймс», опубликовала заметку, которая оскорбила и взволновала честных людей США. В этой заметке говорилось, что иммиграционные органы намерены лишить Антанаса Бимбу американского гражданства, которое он получил 36 лет назад.

Газета «Лонг Айленд пресс» писала: «Бимба предстал перед комиссией Конгресса по расследованию антиамериканской деятельности еще в 1957 году. Вскоре после этого представитель Конгресса от штата Огайо Гордон Шерер объявил, что, мол, кое-какие статьи, появившиеся в зарубежной печати в годы конфликта в Корее, являются «предательством». Он требовал, чтобы «активные коммунистические редакторы» были высланы из страны, и включил Бимбу в число таких редакторов.

У заговора против Бимбы была и еще одна цель — способствовать удушению свободы печати в США. Ведь Антанас Бимба был редактором прогрессивной газеты «Лайсве» и журнала «Швеса».

Те, кто сегодня в Вашингтоне «заботится» о правах человека в других странах, по поводу всех этих и подобных им фактов молчат. Такова демократия по-американски. Такова правда о правах человека в США.

КАПЛИ ГРЯЗИ

Вы можете дурачить часть народа все время; вы можете дурачить весь народ некоторое время; но нельзя дурачить все время весь народ.

Авраам Линкольн

Недавно Вильнюс посетила группа аккредитованных в Москве американских журналистов. Они выразили желание побывать в редакции газеты «Тиеса». Мы посидели с ними за чашечкой кофе, отвечая на вопросы, которые интересовали гостей. Прощаясь, они любезно благодарили за беседу. Я попросил гостей прислать номера газет, где они сотрудничают, чтобы проинформировать читателей «Тиесы» о том, что написали американские журналисты, посетившие Советскую Литву. И вот читаю номер издаваемой в Бостоне газеты «Крисчен сайенс монитор» с иллюстрированной фотографией статьей Элизабет Понд «Взгляд на «Запад» Советского Союза». Ознакомившись с этой статьей, я был настолько возмущен, что тут же сел за пишущую машинку.

Как-то, в годы моей работы в США, встретился я с профессором социологии, который всерьез утверждал, что существуют лишь три критерия цивилизации: количество дорог, продаваемых телевизоров и расходуемой зубной пасты. Об этих «критериях» я и вспомнил, когда читал упомянутую статью. Корреспондентка пытается анализировать экономическую и культурную жизнь республик Советской Прибалтики. Но как? Оказывается, главное отличие Эстонии от других советских республик заключается в том, что ее граждане могут смотреть телепередачи из Хельсинки и что в Таллине много восхитительных кафе. В Латвии есть лишь хоккейная команда, живописное взморье и чрезвычайно вкусные пирожные. А Литва примечательна... аистами, которые улетают зимовать в Восточную Африку...

Что ж, в Таллине действительно восхитительные кафе, в Риге вкусные пирожные, а литовские аисты — поистине неутомимые путешественники. Ну и что?

Американцы любят цифры, статистику. Приведу несколько цифр. За двадцать лет господства буржуазии в Литве было подготовлено 303 инженера. Сейчас в 12 высших учебных заведениях республики занимается 61 тысяча студентов. Только в Каунасском политехническом институте в годы Советской власти дипломы инженеров получили 35 тысяч молодых людей. На литовском языке в республике выходит 119 газет и журналов. Литовцы сегодня — один из наиболее читающих народов. Уровень культуры, уровень научных знаний о мире давно потеснил в сознании наших граждан старые представления.

А вот Элизабет Понд пишет: «Литовцы по-прежнему остаются римскими католиками, невзирая на интенсивную атеистическую кампанию, проводимую Советской властью». Оказывается, она видела в воскресенье людей, направляющихся в костел. (Некоторые из ранее приезжавших к нам западных журналистов утверждали, что в Литве все костелы закрыты.)

Да, верующие у нас есть, но, мягко говоря, слишком смело такое обобщение — «литовцы». У большинства литовцев, сегодня образованных и широко мыслящих, есть еще и исторический счет к католицизму.

В свое время инквизиторы сожгли в Вильнюсе на костре атеиста Лещинскиса и многих других безвинных людей. В 1905 году церковники объединились с царскими жандармами против трудящихся, поднявшихся на борьбу за свободу и социальное равенство. Окончательно церковь лишилась доверия верующих в годы фашистской оккупации: многие ее служители стали активными пособниками нацистов. Ксендз Игнатавичюс и многие другие благословляли убийц, расстреливавших тысячи ни в чем не повинных людей. Когда газета «Нью-Йорк таймс» опубликовала список военных преступников, бежавших от правосудия в США из стран Восточной Европы, среди них оказался и католический епископ В. Бризгис. Граждане Советской Литвы помнят об этом...

Да, для тех, кто еще верует, открыты костелы. И это свидетельствует лишь о реальных правах советского человека — свободе совести и вероисповедания.

Гнев и брезгливость вызывают те абзацы репортажа Элизабет Понд, где она пытается очернить идею дружбы советских народов.

Не г-же Понд, а возможным западным читателям, людям непредубежденным, а только, может статься, неосведомленным, я бы хотел сказать следующее. Вместе с другими народами нашей страны литовцы сражались под Орлом, в партизанских отрядах, освобождали Клайпеду и штурмовали Берлин.

Путь народов Прибалтики к сегодняшнему дню не был усеян лилиями, скорее — усыпан терниями. Упорная борьба породила людей особого склада — ленинцев! Литовский народ никогда не

забудет своих славных революционеров З. Алексу-Ангаретиса и В. Мицкявичюса-Капсукаса, как латыши — П. Стучку и Ф. Розиньша, эстонцы — Я. Анвельта и В. Кингисеппа. В годы «независимости» буржуазные правители всех трех этих государств терроризировали, держали за решеткой лучших сыновей и дочерей латышского, литовского и эстонского народов.

Между двумя мировыми войнами витии буржуазной печати этих стран на все лады рекламировали так называемую независимость. В действительности же все эти небольшие буржуазные республики — «лимитрофы» — находились в полной зависимости от западноевропейских стран, их экономики и политики. Во весь голос кричали писатели о демократии, а в действительности во всех трех государствах была установлена фашистская диктатура, разогнаны парламенты. Промышленность и сельское хозяйство развивались черепашьими темпами. К 1940 году объем промышленной продукции Литвы по сравнению с 1913 годом возрос всего в 2,6 раза, Эстонии — в 1,3 раза, Латвии — даже уменьшился. А вот другая статистика. За годы Советской власти объем промышленной продукции прибалтийских республик вырос более чем в 50 раз!

Материальный, экономический подъем, социалистический наш путь — вещи настолько убедительные и прочные, что у наших вчерашних противников «опускаются руки». Недавно бывший владелец двух ткацких фабрик «Кауно аудиняй» и «Ригос аудиняй», ныне проживающий во Флориде, прислал в Каунас через своего адвоката письмо, в котором сообщается, что он и члены его семьи... отказываются от своих прав на фабрику «Кауно аудиняй». Это, конечно, несколько наивно и театрально, но, впрочем, и реалистично. Прозрешему открывается правда.

А вот как быть с незрячими?

«Я отрицаю все, и в этом суть моя», — гордо заявлял гетевский Мефистофель. Эту фразу подхватили антикоммунисты, стремящиеся всеми способами очернить передовые идеи века, извратить их суть. Но теперь не средние века, и мефистофельский способ познания мира выглядит достаточно нелепо. Реально мыслящие идеологи антикоммунизма уже не решаются отрицать успехи социализма. И делают они это потому, что бездоказательные утверждения вызывают сегодня только иронический смех. Вот почему антикоммунисты пытаются усовершенствовать свою тактику «отрицания».

В то время когда первый человек в истории планеты — советский космонавт Юрий Гагарин — облетел Землю в космическом корабле, я работал в Нью-Йорке корреспондентом газеты «Сельская жизнь» и собственными глазами видел, какое грандиозное впечатление произвел полет Гагарина на американцев. Воспитанные буржуазной пропагандой, они были просто подавлены. Они спрашивали у самих себя и у других, как могла «отсталая Россия» обогнать Америку.

И тогда газета «Дейли ньюс» решила приуменьшить эффект победы советской науки и техники в глазах своих читателей. Она обратилась к ним со следующим вопросом: знают ли они, почему Гагарин был прикреплен к своему сиденью в ракете ремнями? И тут же «разъяснила»: чтобы он не смог... «сбежать из Советского Союза».

Вспоминая об этой нелепости, я и сегодня нисколько не удивляюсь, встречая в буржуазных газетах массу глупых выдумок и сознательной лжи, когда они ведут речь о Советском Союзе.

Не удивила меня и статья, которую недавно прочел я в бельгийском журнале «Пуркуа па?». Статья называется «Как можно быть литовцем?». Она напечатана первой в серии статей «Европейцы, пришедшие извне». Автор, подписавшийся только инициалами, пишет о моей родной Литве, грубо искажая ее историю, решающие события в жизни литовского народа.

Не думаю, что следует вступать в дискуссию с анонимом, тем более что грубым враньем и явной тенденцией все чернить он в достаточной степени высек сам себя, но сказать по этому поводу несколько слов все-таки необходимо.

За годы фашистской оккупации на территории Литвы было уничтожено 700 тысяч человек. Советскую Армию-освободительницу литовцы встретили цветами радости и благодарности. Правда, некоторые личности, которых трудно назвать иначе, нежели «обломки печального прошлого», не желали принять реальность разгрома гитлеровцев. Освобожденная Литва начала залечивать раны войны, с воодушевлением строить новую жизнь. Но солнечное небо возрождения было омрачено сопротивлением этих остатков буржуазных элементов новому, социалистическому строительству. Ныне литовские буржуазные националисты, окопавшиеся за границей, пробуют изобразить острую классовую борьбу тех лет как борьбу «патриотических» сил с «коммунистическим принуждением». Это грубая фальсификация фактов и событий. Трудовой народ Литвы, стремясь как можно скорее создать спокойную обстановку для работы и творчества, сделал все, чтобы уничтожить группки вооруженных бандитов. Эта упорная борьба правдиво изображена в известном кинофильме Витаутаса Жалакявичюса «Никто не хотел умирать», который видели не только зрители Советского Союза.

Кто виноват в жертвах послевоенных лет? Как ни странно, ответ на этот вопрос дает сам журнал «Пуркуа па?». В припадке антисоветской злобы автор статьи «Как можно быть литовцем?» невольно разоблачил своих покровителей. Этот всем известный, но до сих пор замалчиваемый западной прессой и пропагандой факт — единственное достойное внимания место в довольно длинной и путаной статье анонима.

«Самое ужасное было то, — пишет он, — что эта бессмысленная вооруженная борьба вдохновлялась и поддерживалась Западом.

Сегодня уже можно об этом сказать: американское ЦРУ, английские и французские секретные службы ввязались в очень грязное дело, поощряя это открытое сопротивление. В лагерях, расположенных на территории Франции, беженцы проходили подготовку, затем их сбрасывали на парашютах в помощь литовским партизанам». Комментарий, как говорится, излишни.

В Бельгии, где выходит журнал «Пуркуа па?», большая часть населения — католики. Поэтому автор, разумеется, не мог обойти молчанием и проблему религии в Советской Литве. Он пишет: «Их религия — это сила, даже в глазах неверующих — сила». Желаемое автор выдает за действительное. Нет, в результате своей антинародной, реакционной деятельности католическая церковь потеряла в Литве моральный крах, перестала быть опорой и выражением общественной мысли.

Недавно редакция нашей газеты получила письмо от литовца, проживающего в далекой Бразилии, в Рио-де-Жанейро: «Ватикан прислал в Бразилию и хочет возвести в сан кардинала некоего Зенонаса Игнатавичюса. Насколько мне известно, в годы второй мировой войны он был активным прислужником гитлеровцев. Расскажите подробнее об этом человеке». Примерно в это же время радио Ватикана вещало: «В нашей студии — гость из далекой Бразилии, генеральный vikарий архиепископата Рио-де-Жанейро, прелат Зенонас Игнатавичюс. На протяжении 15 лет он был вице-ректором литовской коллегии св. Казимира в Риме, десять лет профессорствовал в духовной семинарии и долгое время заботился о духовном мире бразильских литовцев. Три года назад кардинал Рио-де-Жанейро назначил прелата Игнатавичюса генеральным vikарием и духовным отцом бразильских литовцев.

— Чего бы вы хотели пожелать от имени бразильских литовцев их братьям и сестрам в Литве? — спросил корреспондент ватиканского радио у Игнатавичюса. Ответ был следующий:

— Хочу передать им, что мы их горячо любим, делим с ними их радости и беды. Сердечно всех приветствуем. Будьте стойкими. С нами бог».

Кем же в действительности является этот прелат, столь энергично изображающий из себя друга нашего народа?

Газета «Тиеса» напечатала на своих страницах правду о Зенонасе Игнатавичюсе. Факты были проиллюстрированы документальными фотографиями, которые он сам оставил в Литве. Перед тем, как бежать с гитлеровцами, Игнатавичюс доверил одному из жителей деревни Павилькия записи и фотографии, которые делал сам или собирал в годы оккупации Литвы.

Жители Павилькии и округи рассказывают, что он всегда был желанным гостем немецкого военного коменданта, дружески принимали его и в штабе буржуазных националистов. Таким было начало

его пути, логически приведшего Игнатавичюса к головорезам кровавого палача, бывшего майора литовской буржуазной армии Антанаса Импулявичюса, в ряды второго (позже — двенадцатого) так называемого «батальона вспомогательной полицейской службы». Ужас охватывает, когда перечитываешь список злодеяний этой «службы». Они превратили в место убийств и кровавых пыток каунасские форты, долину Мицкевича, деревню Ужусалай Ионавского района. Но особенно зверствовали убийцы из этого батальона на белорусской земле. Сохранился рапорт одного из главарей батальона, в котором тот докладывает своему командованию, что его подчиненные «уже расстреляли более 46 000 человек». 46 тысяч жертв на протяжении четырех недель! Убийц осеял крестом ксендз Игнатавичюс, военный капеллан 12-го батальона.

В 1942 году в газетенке «Доброволец Востока» («Риту саванорис») Игнатавичюс следующими словами благословлял карателей: «Да будут живы в вас самые жестокие черты героизма».

Почему журнал «Пуркуа па?» не рассказывал своим читателям о деяниях подобных слуг католической церкви, весьма сходных с «подвигами» Игнатавичюса? Умолчал о таких фактах, которые никто и никак не смог бы опровергнуть, журнал искажил правду о положении церкви в Советской Литве. Конечно, в нашей стране простых и честных верующих людей никто и не думает сравнивать с Зенонасом Игнатавичюсом. Но и забывать о злодеяниях ксендза-убийцы любому честному человеку совесть не позволяет.

Я уже говорил в предыдущей главе, что часть литовцев живет не на земле своих отцов. В конце XIX века многие, ослепленные миражем легко достижимого богатства, эмигрировали в Америку. От их утопических мечтаний и сантиментов очень скоро не осталось и следа. Среди эмигрантов произошло резкое классовое расслоение. Трудящиеся литовцы в Нью-Йорке и в Чикаго выпускали прогрессивные газеты, издавали переводы произведений В. И. Ленина, создавали прогрессивные организации. Они и по сей день энергично ведут борьбу против сил империализма, являются верными друзьями Советского Союза.

Работая в Соединенных Штатах Америки, я не раз посещал редакцию газеты литовских эмигрантов «Лайсве», которая несет своим читателям слово правды уже более шестидесяти лет. Мне глубоко врезались в память встречи с сердечными, преданными своему нелегкому делу работниками редакции, которые пытаются рассеять ложь о Советской Литве. О таких эмигрантах-литовцах автор журнала «Пуркуа па?» умалчивает, будто их вовсе не существует.

Многие мои соотечественники покинули родину в годы всемирного кризиса (1929—1932). Они вынуждены были уехать из Литвы, потому что здесь их задавила нищета. Прогрессивные организации литовцев-эмигрантов возникли в Канаде, Уругвае, Аргентине, Бразилии

и других странах. До сих пор тут выходят газеты передовой политической мысли.

Тысячи эмигрантов литовского происхождения — жителей США, Канады, латиноамериканских стран, посетили за прошедшие годы Советскую Литву, радовались успехам, которых нам удалось достичь.

Но существует литовская эмиграция и другого толка. Долгое время решающее влияние на нее оказывала католическая церковь. После второй мировой войны руководство реакционно настроенной частью эмиграции взяли в свои руки бежавшие вместе с гитлеровцами литовские буржуазные националисты, в годы оккупации активно помогавшие агентам «третьего рейха».

Когда автор статьи в «Пуркуа па?» говорит о литовской эмиграции, он имеет в виду лишь ту небольшую, поддерживаемую долларами группу, которая, дай ей возможность, утопила бы в крови и нашу республику и наш народ. Но автор ни словом не обмолвился об истинной деятельности этого эмигрантского отребья. Поэтому мне приходится восполнять это упущение.

Недавно в Вильнюсе состоялась пресс-конференция, на которой вернувшийся в Советскую Литву Витаутас Альсейка встретился с работниками центральных, республиканских и городских газет, телевидения и радио, телеграфного агентства ЭЛЪТА и АПН.

В годы войны Альсейка покинул Литву и оказался на Западе. С 1953 года с незначительными перерывами он работал во ВЛИКе — одной из самых реакционных организаций зарубежных литовцев, так называемом «Верховном комитете по освобождению Литвы». Затем он порвал с реакционной эмиграцией, возвратился в Советскую Литву и остался здесь жить. В своем заявлении для печати Альсейка указал на причины, побудившие его вернуться на Родину.

— Я хотел бы несколько подробнее объяснить те события и обстоятельства, которые повлияли на мое решение, и рассказать, что представляют собой так называемые освободители, лидеры литовской реакционной эмиграции, и что они несут моему народу. Я убежден, что мой опыт поможет узнать правду о деятельности некоторых чуждых нашей Родине сил, — сказал Альсейка на пресс-конференции.

— Какими были ваши первые впечатления о Советской Литве? — спросили его.

— Очень хорошие. На Родине я уже два месяца. Побывал в Каунасе, Шяуляе, Паневежисе, Тельшяе, Плунге, Шакяе, в нескольких колхозах и совхозах. Я сразу заметил, что в Советской Литве идет очень интенсивная хозяйственная жизнь. Города чистые и уютные, особенно Вильнюс, в котором сильно чувствуется внимание и уважение к старой архитектуре. Люди как в городе, так и в деревне красиво и модно одеваются. Должен отметить: литовская деревня живет зажиточно, люди хорошо зарабатывают, покупают всякие бытовые приборы и машины, автомобили и мотоциклы и, что мне кажется

особенно важным, широко пользуются благами культуры — посещают городские театры, приобретают много книг, учатся. И вообще такой полнокровной культурной жизни, как в Литве, можно только радоваться. Я посмотрел около двадцати спектаклей в вильнюсских и каунасских театрах, побывал на вечерах поэзии, концертах, праздниках самодеятельных артистов.

За время своего пребывания в Советской Литве я увидел и радуюсь тому, как дружно живут здесь представители разных советских народов. Я убедился, что Литва добилась больших успехов в области экономики и культуры благодаря помощи всех советских республик. Небо общественной жизни здесь чистое, атмосфера легкая, взаимоотношения людей искренние. А это главное...

...Журнал, в котором была напечатана клеветническая статья о Советской Литве, в переводе называется «Почему бы и нет?». Этими словами я и хочу закончить свою статью: в самом деле, почему бы и не клеветать, если за это платят?

КОЛОКОЛ ВЕЧНОЙ ВЕСНЫ

Молодые и крепкие руки бережно внесли на сцену на длинном белом полотенце огромный, пышный каравай.

— Этот священный хлеб мы привезли в Литву с берегов широкой Волги, с родины Ленина, — звучит торжественный голос в зале, где на свой праздник собрались работники сельского хозяйства нашей республики.

Сеятель бросает золотое зерно в черную землю для того, чтобы люди имели хлеб. Глядя на волнующуюся желтую ниву, человек радуется, что у людей будет хлеб. Когда хлеб созревает, хлебороб дарит его людям. Так разве не священен этот дар пахарей-волжан своим литовским братьям?

Таким караваем приветствовали посланцев Литвы, приехавших к ним в Дни литовской культуры, труженики Чердаклынского района Ульяновской области.

Кого русский человек встречает хлебом-солью, тому он открывает свое сердце, дарит дружбу и уважение.

Кому литовец повязывает длинный пестротканый пояс, тому выражает он свою сердечность и любовь.

Это древние традиции, они стары, как человеческая мудрость. Но им не грозит опасность состариться, исчезнуть, потому что они украшают человеческую жизнь, делают ее прекраснее и осмысленнее.

Представители литовской культуры и искусства привезли в Ульяновск свои песни. Хозяева встретили гостей хлебом-солью. Вытканые тюльпанами национальные литовские пояса скрепили эту сердечную дружбу.

В день торжественного открытия праздника дружбы звучала «Аппассионата» Бетховена, которую исполнял литовский пианист Гитис Тринкунас. Я много раз слышал эту столь любимую Лениным сонату, но мне показалось, что в тот вечер в Ульяновске она звучала немного иначе: я слушал торжественные звуки и видел удивительные тканые букеты тюльпанов, которыми посланцы Литвы осыпали трудолюбивых и талантливых своих друзей и братьев с берегов Волги.

Поэт Альгимантас Балтакис читал стихотворение «Ленин в Вильнюсе». Это стихотворение я тоже неоднократно слышал, но и оно

прозвучало для меня в тот вечер по-новому. Это не были просто сочиненные поэтом строки — это была торжественная клятва много страдавшего, упорно боровшегося и победившего литовского народа. Ведь клятва отличается от стихов еще и тем, что она не только волнует и вдохновляет, но и обязывает.

В те дни, когда на приволжских просторах звучали песни дружбы, когда в мягкую черную землю падали зерна будущего урожая, я прочитал в газетах, что американцы снова сбросили на вьетнамские поля не зерна, нет — отравляющие вещества.

Тот, кто растит хлеб, стоит по одну сторону баррикады защиты человека, тот, кто его уничтожает, — по другую.

Для того, чтобы у людей был хлеб, его надо не только вырастить, его надо еще и защитить. Эпоха социализма началась не только залпом «Авроры», но и словами о мире, земле и хлебе.

Как же это прекрасно, что людей объединяют хлеб и песня! Правда, песни бывают разные, как разными бывают минуты человеческой радости и людского горя. Песня о матери из сожженной фашистами деревни Пирчюпис, которую исполнял ансамбль народной песни и танца «Литва», произвела на ульяновцев такое впечатление, будто в предрассветной тишине неожиданно раздались суровые удары колокола. Пирчюпис — это символ горя и бед, перенесенных литовским народом в годы гитлеровской оккупации. Слушая эту песню, люди плакали. Песня, которая вызывает слезы, не может умереть; слеза, которая скатилась по щеке русской женщины с берегов Волги, определила судьбу этой песни куда более твердо, чем самая хвалебная рецензия.

В Ульяновск наша группа плыла на пароходе из Куйбышева.

Раньше говорили, что Ульяновск расположен на обоих берегах Волги. Теперь говорят, что он стоит на морском берегу. Действительно, плотина у Жигулей превратила здесь реку в Куйбышевское море. Волга возле Ульяновска, словно бы стараясь получше разглядеть те места, которые связаны с молодостью великого вождя, поднялась на целых 13 метров! Только высокий левый берег реки — Венец — по-прежнему вздымается над водой и с двухсотметровой высоты взирает на разлившуюся гладь реки.

Сравнительно не так уж давно на этом высоком берегу по пышным аллеям Венца разгуливали богатые симбирские помещики и самарские купцы. Им было наплевать на всех и на все, они признавали только деньги и свой интерес. По вечерам они любовались закатом солнца, слушали доносящуюся с берегов реки нескончаемую «Дубинушку», которую тянули вместе с бечевою волжские бурлаки.

Сейчас с этого же Венца я видел яркие огни судов и слышал их переключку. О такой реке, залитой электрическим светом и оживленной движением больших судов, о могучей, но взятой человеком в свои умные и требовательные руки Волге мечтал Ленин.

Может быть, уже в те дни, когда Владимир Ильич с братом Александром бродили по здешним берегам, видели горящие одинокие костры бурлаков и с натугой пробивающиеся против течения буксиры, волокущие за собой цепочку барж, может быть, уже тогда задумывался Володя Ульянов о том, что человек должен покорить реку, стать могущественнее и сильнее ее, заставить Волгу служить себе.

Широкие приволжские просторы. Островками среди черного моря вспаханной земли, словно сошедшие с картин Левитана, стояли одетые в золото осенние леса. Горы волнуют, подавляя своей величественной красотой, но иногда в горах человек чувствует себя ничтожным, бессильным. Бескрайние просторы всегда освобождают человеческую мысль, и она, словно жаворонок, устремляется ввысь. Здесь, на этих просторах, и вырос тот хлеб, каравай которого солисты из ансамбля «Литва» привезли домой как привет с берегов Волги труженикам нашего сельского хозяйства.

По дороге мы остановились в молодой березовой роще. Это был не лес, а волшеббно звучащая арфа, бесчисленные струны которой — белые стволы березок — были натянуты между укрытой золотом листьев землей и короной голубого небосвода. Пела, звучала, играла мелодия жизни. Вслушиваясь в нее, я понял, почему русскому народному ансамблю танца дали имя «Березка», почему Леонид Леонов написал «Русский лес»... Слушая музыку этого волшебного березового леса, я еще лучше понял, почему Россия смогла дать миру Толстого и Горького, Лобачевского и Циолковского, Глинку и Чайковского. Широкая, звонкая русская земля дала миру и Человека с большой буквы — Ленина.

Памятники ставят не для того, чтобы увенчать кого-либо бессмертием. Люди увековечивают себя делами. Памятник — лишь дань человеческого уважения к тому, кто его действительно заслужил.

В Ульяновске рядом со школой, в которой учился Ленин, стоит памятник Карлу Марксу. Высеченный из черного гранита Маркс держит на своих плечах тяжелую скалу. Да, тот, кто явил миру учение о необходимости и неизбежности его революционного преобразования, кто взялся за практическое претворение этих идей в жизнь, возложил на свои плечи нелегкую ношу. Особое впечатление этот памятник произвел на меня датой, высеченной на пьедестале: «1921». Те, кто установил этот памятник, не жалели трудов и средств на создание его, а ведь тогда еще шли бои с интервентами и на просторах молодой Советской страны лютовали голод и нищета. Когда я смотрел на черный, искрящийся под солнцем гранит, мне казалось, что памятник высечен не из камня, а из горячего угля, что он создан: из пылающих сердец героев революции...

Как-то в столице нашей республики гостила группа коммунистов из стран Латинской Америки. На железнодорожном вокзале я показал гостям прикрепленную к стене доску из белого мрамора с надписью: «7 сентября 1895 г. В. И. Ленин приезжал в Вильнюс для установления связей с местными марксистами». Один венесуэльский товарищ сказал:

— Я завидую жителям Вильнюса — здесь бывал Ленин.

В архивах сохранилось несколько телеграмм, связанных с пребыванием Ильича в Вильнюсе. Одну прислали здешним жандармам царские власти из Петербурга, сообщая о предполагаемом прибытии сюда проездом из Западной Европы Владимира Ульянова.

Вторая телеграмма из Вержболово сообщала, что Владимир Ульянов пересек границу Германии и России, но ничего подозрительного с собой не привез.

Третья телеграмма — из Вильно в Петербург — докладывала, что Владимир Ульянов в Вильно не прибыл, что следов его пребывания в городе не обнаружено.

Жандармы ошиблись! Во-первых, Ленин провез в Россию нелегальную литературу. Во-вторых, он все-таки побывал в Вильнюсе. Об этом свидетельствуют хотя бы строки из его письма члену группы «Освобождения труда» П. Аксельроду: «Вы, вероятно, проклинаете меня за опоздание. Были некоторые оправдательные причины. Расскажу обо всем по очереди. Во-первых, я побывал в Вильно...»

Еще большую ошибку сделали жандармы, докладывая начальству, что Владимир Ульянов не оставил следов в Вильнюсе. В городе в то время активно действовали местные социал-демократы, искавшие путей дальнейшей борьбы. Прибытие Ленина упрочило их связи с марксистскими организациями России.

Вильнюсцы по праву гордятся тем, что их город — в числе тех, где непосредственно вел свою революционную организаторскую деятельность Ленин. Древние улочки сохраняют его следы вечно. Следы Ленина — это новые города и интенсивно развивающееся сельское хозяйство, новые отношения между людьми и улыбка на лице ребенка. Есть следы, которые стирает безжалостное время. Следы, которые оставил на нашей планете Ленин, поистине вечны: чем больше проходит времени, тем они заметнее.

Гениальный вождь революции был в жизни скромным, сердечным и простым человеком, любил детей и цветы, Бетховена и Толстого, но сердце свое, пламенное сердце революционера отдал пролетариату. В пламени ленинских идей из своих сердец и веры в Ленина люди труда создали колокол правды и свободы, который все громче и мощнее звучит сегодня в мире. Силу этому звучанию придают наши свершения и победы на фронте построения реального социализма. Поэтому литовцы гордятся тем, что Ленин был в Вильнюсе.

Такое же чувство согревает сердца сибиряков. Три года жил Ленин близ Енисея, и всюду, где побывал, оставил глубокий след. Жители Красноярска, Минусинска, Шушенского гордятся тем, что они родились и трудятся там, где жил и трудился Ленин.

Гордость и зазнайство — разные вещи. Шаг, сделанный нами от ГОЭЛРО до Красноярской ГЭС, дает право гордиться.

Когда Владимир Ленин в 1897 году вышел из вагона на Красноярском вокзале, в городе проживало 26 тысяч человек. На каждые четверста жителей приходилось по ресторану или кабаку и на весь город лишь две гимназии. Сейчас в Красноярске 800 тысяч жителей, семь высших учебных заведений и 46 тысяч студентов.

У широкой и светлой набережной Енисея навечно застыл старый колесный пароход, на белом его корпусе большими буквами выведено: «Св. Николай». Это мемориал памяти Ленина. Когда-то «Св. Николай» был одним из самых быстрых и лучших енисейских пароходов. Появился он на реке лет за десять до того, как Ленину довелось плыть на нем из Красноярска в Шушенское.

По бортам — огромные колеса, которые приводила в движение паровая машина мощностью в 140 лошадиных сил. Я видел, как такие же экзотические для наших дней пароходы катали туристов по Миссисипи. За сутки в топке «Св. Николая» сгорало 50 кубометров дров. Когда судно приближалось к речным порогам, где скорость течения превышала скорость парохода, речники закрепляли на берегу стальной трос и, «держась» за него, преодолевали быстрину.

Узкие крутые ступени ведут нас вниз. Владимир Ильич ехал во втором классе. Двухъярусные узкие койки. Восемь мест. Вместе с Лениным были Г. Кржижановский и Б. Старков (Надежда Константиновна, как известно, приехала в Сибирь позже).

Из темноватых кают снова поднимаемся на палубу. Сверкают надраенные медные дверные ручки. Входим в салон, где пассажиры могли посмотреть газеты, выпить чаю. Старые, пожелтевшие номера газет «Енисей», «Сибирь», «Сибирская жизнь». В них можно прочесть, что на Филиппинах американские солдаты убили 300 филиппинцев, а потери дяди Сэма в десять раз меньше, что из Петербурга в Красноярск выехал шведский посол, дабы проверить, действительно ли его земляк Андрэ, поднявшийся в небо на воздушном шаре, чтобы таким образом достичь Северного полюса, упал близ Енисея.

В 1967 году Институт истории партии при ЦК КП Литвы получил копии ряда документов, хранящихся в красноярском архиве. Из документов явствует, что Зигмас Алекса, известный литовский революционер-большевик, 21 июня 1915 года был отправлен по этапу из псковской тюрьмы в Красноярск, а оттуда — в деревню Ярки Пинчугской волости Енисейского уезда на Ангаре, куда прибыл на поселение 24 августа того же года. Имя этой реки он избрал своей подпольной кличкой — назвался Ангаретисом.

Впоследствии Зигмас Алекса-Ангаретис получил разрешение перебраться в Минусинск. Ему хотелось быть поближе к революционным социал-демократам. После Февральской революции он выехал в Петроград, хотя освобождение из ссылки было оформлено позднее.

В Сибири утвердился в своих революционных большевистских взглядах и другой выдающийся деятель литовского революционного движения, Винцас Мицкявичюс-Капсукас. В красноярской тюрьме он

встретился с Я. Свердловым. Потом его перевели в енисейскую тюрьму, затем погнали в Ялань на поселение. «Мне понравилась Сибирь с ее изумительной природой,— пишет Капсукас,— огромными лесами, множеством ягод, теплым летом, холодной и могучей зимой. И сибирские чалдоны мне понравились... Они доверяли мне лошадь для поездки в город, хотя догадывались, что езжу я без разрешения... Но меня тянуло к живой деятельности среди литовских рабочих. Надо было спешить с побегом».

В декабре 1913 года Капсукас прибыл из Ялани в Красноярск с поддельным паспортом. Он совершил путешествие на почтовых санях, которые тянули маленькие, но быстрые сибирские лошадки. В конце того же года Капсукас прибыл поездом в Москву, а оттуда перебрался в Тарту. Весной 1914 года он уже был в Кракове. Здесь он встретился с Лениным.

Так берега далекого Енисея закаляли и литовских революционеров, делали из них ленинцев.

Как это чудесно, когда человеку есть чем гордиться! Литовцы справедливо гордятся тем, что дали мировой культуре Кристионаса Донелайтиса и М.-К. Чюрлениса, гордятся созданными руками своих талантливых народных мастеров резными деревянными скульптурами, звучными песнями. Сегодня литовцы горды тем, что живут в братской семье советских народов, тем, что республика из года в год выращивает рекордные урожаи хлеба, они гордятся своими обновленными древними городами, своими перспективами, гордятся тем, что дали миру немало героев революции, борцов за счастье человечества.

Ульяновец Г. Н. Федоров подарил мне свою книгу «Председатель губкома» с дарственной надписью «Земляку Юозаса Варейкиса».

Варейкис, о котором рассказано в этой книге, был первым председателем Симбирского губкома. Это был настоящий ленинец, стойкий боец революции, особенно отличившийся во время борьбы за Советскую власть на родине Ильича.

Родился и вырос Варейкис в окрестностях города Укмерге. Позже вместе с родителями переехал в подмосковный Подольск. Он не мог оставаться равнодушным к несправедливостям, которые видел вокруг себя, и свое горячее сердце отдал революции. Слесарь по профессии, член партии с 1913 года, Юозас Варейкис всю свою жизнь, до минуты трагической смерти, был верным воином ленинской гвардии. Жизненный путь Варейкиса легко проследить как на фронтах революции, так и на фронте мирного строительства социализма. Имя его с уважением повторяют не только люди с родины Ильича.

Ленин — сын русского народа, но он принадлежит всему миру, и поэтому каждый народ имеет право гордиться своими сыновьями, которые боролись вместе с Лениным за его идеалы.

Волгу и Неман разделяют почти две тысячи километров, но люди, которых объединяет общая борьба, хлеб и песни, сокращают это расстояние и делают наши великие реки родными.

Люди, как реки. Одни избирают путь прямой и ясный, другие — идут длинным и извилистым. Литовскому народу его путь к революции помог найти Ленин, поэтому литовцы привезли на родину Ильича душевную песню, полную любви и благодарности.

После заключительного концерта делегация деятелей литовской культуры подарила ульяновцам портрет Ленина, сделанный из янтаря. Если хлеб — символ жизни, то янтарь — символ любви, чистоты, дружбы.

Недавно довелось мне проехать по Золотому кольцу России. Это необыкновенно красивая земля в большой излучине Волги. Правда, там нет никаких золотых россыпей, но каждый посетивший ее возвращается обогащенным. Золотое кольцо России поражает самобытной архитектурой и удивительной природой, древней героической историей и гулом старинных колоколов.

Те, кто лил эти колокола, хорошо знали, какую придать им форму, какими пропорциями наделить, сколько серебра добавить к меди, чтобы звон был густым, а тембр ласкал слух. Мастера отдавали своим колоколам сердце, как мать отдает его своему дитяти, поэт — слову, солдат — Родине. Стоя на берегу озера Неро и слушая колокольные звоны Ростова Великого, я словно бы ощущал голос самой Матери-Земли. Широко окрест, по равнинам и лесам плыл этот мощный голос колоколов. Казалось, их могучее гудение не угасает в синих даялах, навсегда остается оно и в сердцах слышавших его людей.

Да, есть колокола, голос которых слышен всему миру. Это в первую очередь колокола Спасской башни Московского Кремля. Когда в 1918 году из Петрограда в Москву переехало правительство молодой Советской республики, они молчали. И тогда, в необычайно трудное для революции время, подписал великий Ленин документ о реставрации кремлевских курантов. Он понимал, какая огромная символическая сила таится в этих умолкших колоколах.

С тех далеких уже лет перезвон кремлевских курантов стимулирует мысль человека, укрепляет крылья его мечты. Их суровый, но светлый голос разносит по всему миру вести об успехах нашей социалистической Родины, зовет к новым подвигам труда и творчества.

Сегодняшний героизм не заслоняет в нашей стране вчерашних подвигов народа. Стоя на плотине, покорившей гигант Енисей, и ощущая всем телом, как бьется сердце величайшей в мире ГЭС, от которой по проводам течет 6 миллионов киловатт электроэнергии, я слышал, с каким уважением говорили современные инженеры о принятом по инициативе Ленина плане ГОЭЛРО...

За всю дореволюционную историю России в Сибири, Казахстане и на Дальнем Востоке силами трудолюбивых крестьян-переселенцев и ссыльных было распаханно 10 миллионов гектаров целины. Коммунистическая партия призвала советских людей на освоение целины — и за короткий срок было поднято и засеяно 42 миллиона гектаров!

Само слово «целина» звучит сегодня, как колокол жизни. Как колокол звучат дела строителей БАМа, великих строек Сибири и Дальнего Востока.

При отливе колокола русские мастера сочиняли и пускали в народ какую-нибудь невероятную легенду о нем. Считалось, что чем шире распространятся слухи, тем дальше будет слышен колокольный звон. Ныне эту озорную традицию, порожденную народной фантазией, пытаются кощунственно использовать в своих целях современные геббельсы империализма и гегемонизма.

Уже давно и назойливо бьют они в свои колокола, разнося ложь о мнимой агрессивности социалистического мира. Поток их тенденциозных вымыслов особенно усилился сегодня, когда благодаря мирной политике и конструктивным предложениям СССР перед человечеством открылась возможность ограничить, сократить, а в дальнейшем навсегда запретить производство и использование оружия массового уничтожения.

Одним из первых документов, подписанных вождем Октябрьской революции и руководителем первого на земле социалистического государства, был Декрет о мире. Несколько позже, когда Ленину показали проект Герба Советского Союза, он предложил его авторам убрать с герба изображение меча. Это не было разоружением революции перед лицом мирового капитализма, это было утверждением стремления трудящихся масс к свободе, социальной справедливости, миру и гуманизму.

На XXIV съезде КПСС была принята Программа мира. Советские люди последовательно претворяют ее в жизнь. Русское слово «разрядка» вошло сегодня в язык многих народов мира, как в свое время слово «спутник». И прогрессивные силы мира, приняв идею разрядки, предложенную нашей партией, ныне из самых благородных побуждений стоят на страже ее.

Империалисты хотели бы видеть советский народ вооруженным лишь луками да стрелами, с тем чтобы сами они имели в руках атомную и нейтронную бомбы. Разумеется, этому не бывать! Живая память о гражданской и Великой Отечественной войнах обязывает советских людей быть бдительными и всегда готовыми защитить идеи Ленина, социалистический мир и гуманизм.

В Польше неподалеку от Мозурских озер я видел серые бетонные развалины. Отсюда в годы войны Гитлер руководил сеящим смерть вермахтом. И называл это местечко «Волчьим логовом». Когда в глаза Мозурских озер все чаще стали заглядывать советские самолеты, Гитлер приказал взорвать «Волчье логово» и перебрался со своей ставкой в подземелья имперской канцелярии Берлина. Он мечтал, чтобы на земле не осталось и следов от бесславно покинутого «Волчьего логова». Однако следы сохранились. Не оставляет следов на земле только тень.

Динамит разнес железобетонные стены двухметровой толщины, словно они были из картона. Какой же должна была быть ударная сила советского солдата, вдребезги разбившего занесенный над человечеством стальной кулак вермахта? В развалинах «Волчьего логова» я увидел бесславный конец одной недавней бредовой мечты о мировом господстве.

Армии гитлеровцев напали на нашу Родину в то утро, когда календарь объявил о начале астрономического лета. Для советских людей это утро стало началом продолжавшейся почти четыре года борьбы с мрачной ночью фашизма. За несколько дней до нападения фашистов советские археологи, подняв тяжелую каменную могильную плиту в Гур-Эмирском мавзолее Самарканда, обнаружили под ней скелет Тамерлана. Это было все, что осталось по прошествии пяти столетий от деспота, тоже стремившегося к мировой гегемонии. От претендента на его роль в XX веке, осмелившегося напасть на Советский Союз, не осталось даже костей.

У древа гегемонизма много отсохших побегов, но еще живучи его корни. В 1493 году римский папа Александр IV поделил землю на две части между владыками Испании и Португалии. Он рассчитывал сделать весь мир католическим. Позже гегемонами возжелали быть английские колонизаторы, японские самураи. Что из этого вышло, известно всем.

Деятели, претендующие на мировое господство, скрываются под различными масками, но лицо у всех одно; они пользуются различными методами, но цель у них одинаковая.

Президент США Гарри Трумэн, отдавший приказ начать первую в истории человечества атомную войну, рассчитывал, что страна дяди Сэма, в то время — единственная обладательница ядерного оружия, станет мировым гегемоном. Однако события пошли не так, как надеялся хозяев Белого дома. Не зря горячился Уинстон Черчилль в Фултоне, не зря торопил события — он предвидел конец кратковременной гегемонии атомного кнута.

По предложению СССР представители народов мира на сессии ООН поставили теперь гегемонизм к позорному столбу. Как не бывает прогрессивный террор и расизм, как нет благородной клеветы и демагогии, так не может быть и прогрессивного или благородного гегемонизма. Пролетарская солидарность, ленинский интернационализм — антипод замыслов империализма и гегемонизма.

Колокол «Сизой» в Ростове Великому весит 2000 пудов. Он был отлит русским мастером Фролом Терентьевым. Чтобы придать колоколу неповторимый тембр звучания, его язык, по замыслу мастера, подвесили на высушенных воловьих жилах. Позже они были заменены железным крюком. Недавно, памятуя завет мастера, изготовили специальный капроновый канат, которым прикрепили било. Колокол вернули его прежний голос.

Новыми звуками полнится сегодня вся наша земля, защищенная от врагов, украшенная героическими делами, сверкающая новыми планами.

Привыкнув жить в ритме великих замыслов и свершений, постоянно видеть и ощущать результаты своей творческой деятельности, мы порой даже перестаем замечать ошеломляющие краски социалистической действительности.

Недавно по телефону позвонил мне в Вильнюс товарищ из Волгограда. Как, мол, дела, что нового в республике?

— Все в порядке,— отвечаю.— А нового вроде ничего нет.

— Как это ничего нового? — удивился он.— Разве не у вас в Литве строится Игналинская атомная? Я тут видел по телевизору...

Когда идешь по большому лесу, то внимание к отдельным деревьям притупляется, перестаешь их замечать. Мы, советские люди, шагаем сегодня по огромным и прекрасным строительным лесам одиннадцатой пятилетки, перед глазами у нас появляются все новые солнца, создаваемые трудолюбивыми руками человека. Но мы должны найти время и для того, чтобы остановиться и оглядеться, чтобы понять, куда пришли, чтобы иметь право гордиться тем, чего достигли. Слово «гордиться» отличается от слова «возгордиться». Первое слово Ленин уважал, второе — презирал.

МЫ ПОМНИМ...

*Как ночь осенняя темна,
Сегодня кажется она —
Картина прошлых дней:*

*Давили горе, голод, страх;
И бессловесна, в кандалах
Была свобода... Все наглей
Во тьме кровавого столетья
Тупая злоба капитала
Народ хлестала
Плетью.*

*И в песне той дышала весть,
Звучали в ней слова,
Что будет, будет завтра цвeсть
Советская Литва!*

Костас Корсакас

Много песен, сказок и преданий бытует у литовского народа о Балтийском море, подобно тому как у русских — о Волге, у армян — об Арарате, у поляков — о Висле. Иногда Балтика спокойна и зеркально сверкает, а иногда ветры и штормы вздымают могучие волны, и море бьется о берег.

Когда шторм, устав, утихает, люди спешат на широкие белопесчаные пляжи, чтобы собрать дар моря — янтарь, литовское золото. Из него делают и бусы, и серьги, и кулоны, и запонки — самые разные украшения. Тот, кому литовец подарил янтарь, может быть уверен, что его полюбили всем сердцем, что он приобрел настоящего и верного друга.

Откуда же он берется, этот солнечный камень? Теперь все знают: янтарь — окаменевшая смола древних деревьев, ему много-много тысяч лет. А раньше не знали. И потому из уст в уста, из поколения в поколение переходила легенда, что когда-то на морском дне в своем

янтарном дворце жила морская богиня Юрате. Она полюбила простого рыбака Каститиса и пригласила его в свой дворец. Но злой бог Перкунас, проведая о любви богини и человека, разрушил молниями стены янтарного дворца, Каститис погиб, Юрате горько тоскует по любимому, и ее слезы превращаются в янтарь. Волны выносят остатки разрушенного дворца и слезы богини на берег...

Это печальное предание о разбитом счастье отражает тяжелую судьбу моего народа в прошлом. Много крови и слез впитала литовская земля.

Недавно на берегу Балтики, в курортном городе Паланге, был открыт памятник детям, погибшим, когда фашисты обстреляли из орудий первый литовский пионерский лагерь. Сюда в 1941 году — в первое лето после восстановления в Литве Советской власти — съехались дети тружеников со всей республики. И вот на них-то в первые часы Великой Отечественной войны обрушили гитлеровцы тонны металла. Паланга находилась тогда всего в нескольких километрах от границы.

Я смотрю на этот памятник и слышу шум волн Балтийского моря. Соленые, как слезы, волны рассказывают о трагических событиях и упорных боях, о советских воинах, принесших на своих плечах освобождение народу Литвы.

К счастью, не все погибли тогда от взрывов снарядов и пулеметных очередей фашистов. Многим детям удалось спастись. Их по-матерински взяла под защиту Россия, вся наша великая Родина. Дети Литвы дождались Дня Победы, выросли, стали учеными, учителями, журналистами, артистами.

И вот теперь, прибыв из разных уголков республики на открытие памятника, они крепко пожимали друг другу руки, вспоминали пережитое. В их ушах снова звучали взрывы снарядов и бомб, стоны раненых товарищей, глаза многих увлажнили слезы. Есть раны, которые не может залечить время...

В западногерманском городе Ольденбурге есть улица Остланд. Кто и для каких целей воскресил это слово из могилы истории? Правители третьего рейха называли Остландом оккупированные Литовскую, Латвийскую и Эстонскую республики. Согласно планам нацистов, Остланд должен был стать «свободным» от живших здесь народов, землю их, по замыслу фашистов, следовало залить коричневой волной германизации. Эти изуверские планы ускоренно претворялись в жизнь. На одной лишь земле Советской Литвы фашистские оккупанты в годы войны уничтожили 700 тысяч человек!

Ныне для осмелившихся снова поднять голову недобитых фашистов «Остланд» остается по-прежнему заманчивым куском. Но, может быть, название этой ольденбургской улицы не имеет ничего общего с прошлым и планами нацистов? Может быть, просто

случайное совпадение? Чего не бывает! Только в данном случае никакой случайности нет!

На улице Остланд не случайно обосновалась редакция реваншистского журнальчика «Мемелер дамфбот» («Мемельский пароход»). 35 лет назад, когда над рейхстагом взвился алый стяг победы, в безвозвратное прошлое канул «новый порядок», которым Гитлер хотел задушить Европу, однако реваншисты никак не могут примириться с этим. Не случайно с огромным энтузиазмом встретили они недавнее решение НАТО вооружить Западную Европу новыми американскими ракетами с ядерными зарядами. Эти люди, по поговорке, сами поют, сами пляшут. Реваншисты учредили орден «Восточный крест», удивительно смахивающий на «Железный крест» третьего рейха. Кстати, «Восточный крест» недавно был вручен и редактору «Мемелер дамфбот», некоему Куршату.

— Нас немного,— заявляет вышеупомянутый журнал,— но мы кричим громко!

Действительно, визги «Мемелер дамфбот» стараются отравить атмосферу.

Здесь много пишут о Мемеле, которого, к их ужасу, больше не существует. Мемелем и германизаторы прежних веков, и гитлеровцы называли силой отторгнутый от Литвы ее единственный портовый город на Балтике. Нет никакого Мемеля! Зато существует Клайпеда. Большой и оживленный литовский город на берегу Балтийского моря.

28 января 1980 года он отпраздновал 35-летие со дня своего освобождения от гитлеровской оккупации. Это очень не по нутру реваншистам. Поэтому они и вопят о Мемеле...

Где я еще встречал это слово?

Как-то, собираясь домой, в отпуск, работал я тогда в Нью-Йорке, был аккредитован как представитель советской прессы при ООН, я решил не лететь, а добраться до Литвы, переплыв на корабле Атлантику и проехав поездом через Европу. Для этого необходимо было получить транзитные визы стран, через которые пролегал мой маршрут.

В те годы Западной Германией еще правила партия христианских демократов во главе с Конрадом Аденауэром.

Зашел в нью-йоркское консульство Западной Германии и увидел на стене карту, подобную тем, какими пользовались гитлеровцы в 1941 году до нападения на Советский Союз. Вместо Советска там была надпись «Тильзит», вместо Калининграда — «Кенигсберг», вместо Клайпеды — «Мемель». Правда, сейчас руководители Федеральной Республики Германии более трезво смотрят на реальный мир. Во время своего последнего посещения консульства ФРГ в Нью-Йорке я заметил, что старой карты больше там нет. Вместо нее висит новая, отражающая подлинные границы сегодняшней Европы. Поступь жизни всегда побеждает инерцию вчерашнего дня.

Однако с отражающими вчерашний день границами людям довелось встретиться и несколько позже: в 1967 году, на Всемирной выставке в Монреале. Один журналист, сфотографировавший «Экспо-67» с вертолета, заметил, что павильон Западной Германии имеет конфигурацию территории третьего рейха 1940 года! Возник скандал. Руководители павильона Западной Германии вынуждены были всячески извиняться, давать какие-то невразумительные объяснения, чтобы успокоить взбудораженную общественность.

Сегодня те, кто, обосновавшись на улице Остланд в Ольденбурге, выпускает брызжащий грязью «Мемелер дамфбот», не намерены извиняться.

Возможно, прочитав извлеченные ими со свалки истории слова, нам следовало бы громко смеяться? Разумеется, если бы зажили все раны, нанесенные нацистами нашей земле, если бы мы не помнили истории, забыли, как после первой мировой войны в мюнхенских пивных начала подниматься коричневая пена фашизма, если бы сегодня милитаристы Запада не бряцали оружием, бредни бывших заправил Мемеля могли бы вызвать только смех.

Где-то еще видел я надпись «Мемель»...

Да, это было в 1945 году, когда Советская Армия после упорных боев с фашистами вошла в Клайпеду.

Еще дымились кварталы взорванного и разрушенного города. Воины Первого Прибалтийского фронта — русские, украинцы, узбеки и другие вместе с бойцами литовского соединения, освободив Клайпеду, подвели черту под продолжавшейся еще с тринадцатого века экспансией немецких агрессоров. Ветер гнал снег и раскачивал над железнодорожным вокзалом помятую вывеску с надписью «Мемель». Автоматными очередями этот железный лист был превращен в решето: так советские солдаты расстреляли мрачное прошлое города, память о тех временах, когда на его улицах гремели фашистские марши, а с балкона драматического театра раздавались истерические вопли Гитлера.

Вспомнив эту расстрелянную вывеску, я, улыбаясь, спускался в лифте из консульства Западной Германии. Я могу гордиться, ибо возвращаюсь в свободную Советскую Литву, где непременно увижу Клайпеду. Она стояла перед моим мысленным взором, словно маяк на чудесном янтарном берегу.

Когда мой поезд, промчавшись по равнинам Франции и проскочив Бельгию, въехал на территорию Западной Германии, был уже вечер. Над Руrom зажигались огни разного калибра. Трудно было определить, где кончается один город и начинается другой. Из труб заводов Круппа валил дым, черный и тяжелый, как и темнота, постепенно окутывавшая землю. Этим труб не разрушила военная буря. В годы второй мировой войны американцы не бомбили заводов, на которых гитлеровцы клепали танки, ибо на Уолл-стрите и в Пента-

гоне уже тогда разрабатывались планы, как сделать послевоенную Германию ударной силой, направленной против Советского Союза. Не разрушали заводов Круппа и английские бомбардировщики, хотя немецкие ракеты «Фау» безжалостно уничтожали больницы и школы Лондона и других английских городов. Но разве могли американские и английские империалисты согласиться с гибелью заводов, в которые был вложен и их капитал?!

На станции Дюссельдорф поезд простоял лишь несколько минут. Здесь неделю назад заседали политические реликты — бывшие бароны Восточной Пруссии. Они обсуждали свои реваншистские планы и еще раз заявили, что западные районы Литвы должны принадлежать Германии. На это совещание прислали своего представителя и приютившиеся в США литовские националисты. Этот «представитель» не только не протестовал против планов западно-германских реваншистов, но и с энтузиазмом аплодировал речам неонацистов, заслужив благодарность реакции и отвращение литовского народа.

На вокзале в западном секторе Берлина на наш вагон, где висела табличка «Париж — Москва», то и дело поглядывали сновавшие по перрону пассажиры. Через открытое окно я услышал, как однорукий выходящий немец на ломаном русском языке сказал своему соседу: «Этот ваген едет на Москву». Потом похвалился: «Русский язык я научился под Москва и Смоленск». Он действительно не забыл некоторых русских слов. К сожалению, многие участники «Дранг нах Остен» забыли уроки, полученные ими на нашей земле и под Москвой, и под Минском, и под Клайпедой.

И вот я в Клайпедо. Катер стремительно рассекает волны. Ветер бросает в лицо солоноватые брызги. Словно зачарованный, смотрю волшебный, самый большой, как мне кажется, синерамный фильм в мире. Новые набережные, подставив волнам свою мощную каменную грудь, дивятся тому, как легко и неумолимо клювы портовых кранов раздвигают в небе облака.

В порту шведские, английские и прочие иностранные суда с завистью поглядывают на совсем недавно спущенный на воду огромный современный рыболовецкий траулер «Валерий Быковский». Он родился на Клайпедском судостроительном заводе, а имя пришло... из космоса.

В устье реки Данге покачивается небольшое суденышко, на борту которого написано: «Ракета». За четыре часа домчит она вас из Клайпеды в Каунас...

Правительство буржуазной Литвы согласилось с тем, что гитлеровская Германия 22 марта 1939 года захватила Клайпедский край и превратила его в плацдарм для оккупации всей Литвы. Здесь начался кровавый террор. В концлагерях, созданных неподалеку от Клайпеды, томилась более 6 тысяч рабочих.

Народная писательница Литовской ССР, дочь Клайпедского края Ева Симонайтите в дни освобождения Клайпеды Советской Армией писала: «Я бесконечно счастлива, что мой край освободился от коричневого рабства. Малая Литва испокон веков край, заселенный литовцами. Она была частью Литвы. А сегодня, благодаря мудрым полководцам, она вновь неразрывно влилась в Литву. И Литва уже единое тело».

В городе, где веками разжигали национальную рознь, распустились цветы братской дружбы. Сколько десятилетий понадобилось бы для восстановительных работ, если бы мы, литовцы, были одиноки? Только в нашей стране, где Коммунистическая партия и Советское правительство уделяют огромное внимание благосостоянию народа, где всестороннюю помощь оказали нам братские республики, возможны свершения такого масштаба, которые были осуществлены в Клайпедe за послевоенные годы. Братская помощь всех советских республик ощущается здесь и сегодня. Например, при создании торгового флота Литвы дружескую руку протянули нам пароходства многих портов страны. Ленинград и Мурманск, Архангельск, Владивосток, Таллин, Рига и другие города прислали суда, оборудование, опытные кадры. В Клайпедe возникли и развились новые отрасли промышленности, реконструированы старые предприятия. Ныне в городе трудятся 50 тысяч рабочих. Вдвое больше клайпедчан учится.

Победу нашего народа в Великой Отечественной войне, все послевоенные пятилетки — пятилетки восстановительного и мирного созидательного труда, нерушимую дружбу народов СССР, нашу государственность как бы символизирует памятник Владимиру Ильичу Ленину, воздвигнутый в центре города.

Сейчас клайпедские рыбаки, подняв флаги мира и труда, отправляются в дальние рейсы. И хочется сказать тем, кто стремится замутиль воду Балтийского моря в надежде, что на их пропахшую кровью и порохом удочку клонет желанная добыча: напрасно стараетесь, господа империалисты! Вглядитесь-ка получше в каменный обелиск, установленный в центре Клайпеды, на площади Ленина, в водруженную там пушку. Это орудие освобождало Клайпеду, выполнило свою благородную миссию, больше оно стрелять не будет, лишь расскажет грядущим поколениям о героических сражениях, о великих событиях прошлого. Однако те, кто печатает пропитанные реваншистским духом карты, кто обдуманно проводит реваншистскую политику, должны знать, что не все орудия в нашей стране высятся на пьедесталах!

В вильнюсском Музее революции хранится цветок полевой розы. Ее стебелек засох, лепестки поблекли, только шипы остались такими же острыми.

Как она сюда попала? Почему этому цветку оказан такой почет? Это произошло 13 июня 1943 года на Орловском фронте, в окрестностях села Семидворики. У командира полка А. Шуркуса был день рождения. Война все смела на своем пути, но на ничейной земле между окопами уцелел куст дикой розы. Один из бойцов решил добыть цветок и преподнести любимому командиру, боевому товарищу. Презрев смерть, подполз он к кусту, сорвал розу и подарил ее командиру полка. Цветок с ничейной земли, словно волшебный светоч счастья, озарил наполненную дымом сражений траншею, согрел сердце закаленного солдата.

Где находится тот клочок земли, на котором выросла эта роза? Не размололи ли этот куст вместе с землей жернова войны, дождался ли он салюта победы и пахаря, пришедшего посеять здесь хлеб? Такие мысли не оставляли меня во время поездки на Орловщину.

Там, где веселый Орлик впадает в спокойную Оку, стоит город Орел. Недавно он отпраздновал свое четырехсотлетие, и по этому случаю у слияния двух рек взмыл 30-метровый гранитный памятник. Это салют героической Орловской земле. На берегах этих рек сражались за справедливость крестьяне под предводительством Ивана Болотникова, здесь были разгромлены белогвардейцы Деникина, здесь советские воины в дни Великой Отечественной войны перемалывали железный кулак вермахта.

В центре Орла — сквер Танкистов, где на сером гранитном пьедестале застыла «тридцатьчетверка».

Орел — город первого салюта победы в Великой Отечественной войне. 5 июля 1943 г. Орел и Белгород были освобождены, и в честь этого небо Москвы двенадцать раз озарялось фейерверком, землю сотрясали пушечные залпы.

В Орле побывал я на свадьбе. Когда молодые вернулись из Дворца бракосочетаний и гости уселись за длинным столом, отец молодой провозгласил первый тост:

— За тех, кто погиб, защищая нашу Родину в Великую Отечественную!

Мы встали, склонили головы. Воцарилась скорбная тишина. Потом вновь вспыхнуло веселье, лица осветились улыбками. Пролетевшая птица памяти лишь ненадолго закрыла солнце своими черными крылами.

По дороге из Дворца бракосочетаний домой молодые посетили Обелиск Славы, возложили цветы к танку «Т-34», освободившему город. Традиции, рождающиеся в сердцах людей, прочнее танковой брони.

В Покровском районе, в селе Алексеевка, есть большое поросшее редким кустарником поле. Сюда меня привел Сергей Коробков. В годы Великой Отечественной войны он с оружием в руках прошел от Орлика

до Эльбы. Сейчас он держит в руках не винтовку, а журналистское перо. Поля под Алексеевкой уже многие годы не касается плуг, человек не сеет здесь зерна, не пасет скота. Это — зеленый памятник.

Здесь пропитана кровью каждая пядь земли, сколько раз слышала она русское «ура!» Слышала и литовское «валё!» Здесь — начало боевого пути литовского соединения Советской Армии — 16-й дивизии. В Алексеевку она прибыла 20 февраля 1943 года, а 24 февраля в 9 часов 30 минут вместе с другими частями Советской Армии пошла в наступление. Воины продвинулись вперед более чем на 100 километров, освободили 54 населенных пункта, в том числе орловскую деревушку Литва. Однако настоящая Литва еще терпела гнет оккупантов, путь к ней еще был далек.

Солдат, поднимающийся на защиту Родины от врага, не может выбирать собственный путь, собственную судьбу. Его путь — путь Родины, его судьба — судьба Родины. Бойцы литовского соединения, которое формировалось на берегах Камы, отправляясь на фронт под Орел, остановились по пути на родине Льва Толстого — в Ясной Поляне. Когда их перевели с Орловщины на Калининский фронт, их путь пролегал через усадьбу Тургенева — Спасское-Лутовиново. Так священные для каждого русского места, где жили великие писатели Лев Толстой и Иван Тургенев, вошли навсегда и в сердца литовских воинов.

В Друскининкай возле санатория «Дайнава» растет ныне дубок Толстого. Желудь, который набрался сил под слоем взрыхленной земли и зеленым ростком потянулся к литовскому небу, привез сюда с родины великого писателя — из Ясной Поляны — поэт Эдуардас Межелайтис. Дубы путешествуют, как птицы, как воды Волги и Немана. На усыпанном золотыми осенними листьями лугу, где растет несколько лип и елей, люди выкопали для будущего дуба-богатыря небольшую ямку, заботливо удобрили землю. И желудь из яснополянского парка почувствовал гостеприимство чужой земли.

Дубок Толстого в Друскининкай не спешит дотянуться до звездного неба. Он растет медленно, но уверенно, как и подобает настоящему дубу — царю лесов. Зеленая верхушка его поднимается все выше, и ее резная листва с каждым годом все дальше и шире видит то, что лежит окрест.

Дуб Ясной Поляны, подаривший этот желудь литовскому поэту, многое повидал, пережил и слышал.

Поздней осенью 1941 года захватили Ясную Поляну солдаты третьего рейха. Дуб видел, как осквернили фашисты память Льва Толстого.

К литовским воинам, остановившимся здесь в 1943 году, приезжали из Москвы наши писатели — Саломея Нерис, Антанас Венцлова, Йонас Марцинквичюс, Владас Мозурюнас, Юозас Балту-

шис, Костас Корсакас. Читал им свои стихи и Эдуардас Межелайтис. Возможно, уже тогда в чутком сердце поэта родилась мысль посадить желудь здешего дуба в литовскую землю? Тогда это было лишь прекрасной мечтой: сначала требовалось разбить врага, освободить отчий край.

Литовские воины, стоявшие у Ясной Поляны, упорно готовились к боям, но у них хватало сил и на то, чтобы расчистить тропинки старого парка, посадить на вырубленной гитлеровцами аллее новые деревца. Молодой поэт Викторас Валайтис отремонтировал башенки у въезда в мемориальную усадьбу. Никто не знал тогда, что Валайтиса вскоре скосит вражеская пуля. Директор музея Толстого С. Бунин вручил отправляющимся на Орловский фронт литовцам томики «Войны и мира». Солдат, который защищает свою Родину, вооружившись винтовкой и книгой, сильнее вдвойне. Поэт, привезший и посадивший на отчей земле дубок с родины гиганта литературы, почтил и русскую землю и воина, ушедшего на фронт с винтовкой и книгой.

Много роз видел я на орловской земле. Алые — словно звезды на солдатских пилотках — цвели они в сквере Танкистов и на родине Тургенева, на высоком берегу Оки и возле Дома культуры колхоза «Красная звезда».

Только не удалось мне найти ту «ничейную» землю. Нет сейчас в нашей стране такой земли. Она появляется лишь там, где гремят взрывы войны. Искать ее на фронтах мирного труда безнадежно.

28 января 1980 года Литва торжественно отметила 35-летие освобождения Клайпеды от фашистской оккупации. Моя дорогая Клайпеда снова живет после праздника в ритме мирного труда. Эпитет «дорогая» я подчеркиваю жирной чертой. Литовскому народу Балтийское взморье дорого не только потому, что волны выбрасывают здесь на песок капли янтаря, но и потому, что исконно литовская земля эта на протяжении многих лет стонала под пятой сначала крестоносцев и меченосцев, а потом германских кайзеров и фашистских оккупантов. Ныне клайпедская земля навеки стала литовской землей, судьбу народа взяли здесь в свои руки коммунисты, небольшая и слабая Литва стала полноправной республикой великого и могущественного Советского Союза.

После страшной войны на литовской земле воцарился мир. Больше нет и никогда не будет на моей родине оккупантов и «Мемеля».

«Мемель» — это вчерашний день. Это кованный сапог германизации и фашизма, это насилие и горестные стоны умирающих детей.

Клайпеда — это сегодняшний и завтрашний день. Это — ритм строек и улыбка детей, звонкая песнь и полет чайки над светлым и свободным портовым городом Литвы.

В ЧЬИХ РУКАХ ЗНАМЯ КУЛЬТУРЫ

*Я не знаю ничего лучше, сложнее,
интереснее человека.*

М. Горький

На Урале, в деревне Черемисская Режевского района Свердловской области есть школа. О ней знают многие писатели, хотя они здесь и не бывали. Литературный музей этой школы насчитывает десять тысяч экспонатов.

— Какой из них больше всего дорог вам? — спросил я у преподавательницы литературы Валентины Бесовой.

Валентина Максимовна показывает «Тронку» украинского писателя Олеса Гончара и говорит:

— Когда мы прочитали «Тронку», возникла мысль написать письмо автору. Вскоре получили ответ и эту книгу с автографом. Она стала первым экспонатом нашего музея...

На письма школьников откликнулись Михаил Шолохов, Леонид Леонов, Расул Гамзатов, Мустай Карим, Сергей Михалков, сотни других писателей. Здесь бережно хранят их письма, фотографии, книги с автографами.

Под стеклом я увидел сборник стихов Эдуардаса Межелайтиса «Кардиограмма». На титульном листе авторская надпись: «Любите поэзию. Она поможет вам в жизни. Поэзия — это крылья, которые уносят человека далеко и высоко».

В этой школе ребята спросили у меня:

— Правда, что в Литве во время праздников песни поет хор в 25 тысяч человек?

Им было в диковинку: как это могут разом петь столько людей, а я удивлялся, как могла сельская школа из глубинки собрать в своем музее такое обилие литературных экспонатов.

В Лондоне, из дворца, где находятся коллекции Британского музея, я вышел пораженный множеством редчайших, доставленных сюда из всех уголков мира ценностей, в Музее золота Боготы дивился искусству древних инкских мастеров. Посещение музея Джека

Лондона в Калифорнии помогло мне понять, почему герои его книг такие могучие, словно выкованы из нержавеющей стали, высечены из гранита. Из Черемисской сельской школы я вышел восхищенный любовью деревенских ребят к книге.

Осматривая комнатки музея, где каждый экспонат имеет неповторимую, как человеческая жизнь, историю, я вспомнил о своей встрече с одним довольно известным среди бизнесменов Нью-Йорка американцем, пригласившим меня к себе. За обедом хозяин рассуждал только об автомобилях и скачках. Потом мы перешли в его кабинет-библиотеку. Стены большой и светлой комнаты были сплошь уставлены стеллажами, от потолка до пола набитыми книгами. Что ж, подумал я, когда у человека такая библиотека, он может позволить себе во время обеда говорить только об автомобилях да скачках. Тут хозяина позвали к телефону, и он, извинившись, вышел из комнаты. От нечего делать я принялся рассматривать книги. Нашел томик Марка Твена в позолоченном переплете и решил полистать его до возвращения хозяина. Увы, вытащить книгу не удалось, а когда я дернул посильнее, покачнулась вся полка. Тут-то я сообразил, что передо мной не книги, а... бутафория. Я попал не в библиотеку, а в комнату, стены которой украшены лишь корешками книг.

Вернувшись, хозяин завел разговор о значении литературы в век кибернетики и космоса. Он утверждал, что голос писателя ныне мощнее голосов президентов и королей, но я, вежливо кивая, видел только корешки книг, сделанные из папье-маше.

В Париже я бывал в гостях у одного француза, книжные шкафы которого были декорированы винными бутылками, но в такую ситуацию попал впервые.

Домой возвращался, все еще не опомнившись от потрясения. Попробовал мысленно оправдать представителя мира бизнеса. В двадцатом веке многие желают казаться культурными, как в середине века — знатными. Мода на культуру необязательно достойна осуждения. Глядишь, желание выглядеть культурным породит и подлинную потребность в культуре.

Но истинная культура — не пиджак, который можно в любую минуту снять и снова надеть. Культура человека — это кожа, покрывающая его тело, это кровь, текущая по его жилам. Эту кожу и кровь не купишь и не выменяешь. Правда, не жалея времени и трудов, человек способен приобщиться к культуре. Этого я мысленно и пожелал бизнесмену.

У культуры свои корни, таящиеся в пластах столетий. Понять ее можно, лишь оглянувшись на путь, по которому человечество пришло к современности.

XIX век дал миру Пушкина и Толстого, Родена и Шопена, Бетховена и Бальзака, Диккенса и Джека Лондона. Но он дал также и Фридриха Ницше, который, узнав о землетрясении на острове Ява,

радостно воскликнул: «За одну секунду уничтожено 200 тысяч человек! Это замечательно! Вот конец, который ждет человечество...»

XX век дал миру Горького и Пикассо, Неруду и Дюбуа, Томаса Манна и Чюрлёниса, но также Орадур и Пирчюпис, Хиросиму и Сонгми.

Гитлер заимствовал у Ницше не только трость, но и философию человеконенавистничества.

Нью-Йоркское издательство «Покет букс» выпустило как-то сборник афоризмов и мудрых изречений. В книгу, названную «Великие цитаты», включены и слова барона Кольмара фон дер Гольца: «Высокая культура и военная мощь, как правило, идут рука об руку».

Случайно ли попало на страницы книги это мизантропическое высказывание? Разумеется, нет! Тот, кто ратует сегодня за расширение производства ядерного и прочего оружия, пытается найти моральное оправдание для своих грязных замыслов. Слова воинственного барона очень по душе таким людям.

Культура более вечна и постоянна, нежели египетские пирамиды и горные вершины. Пирамиды и горы крошатся, культура лишь возрастает. Величие культуры проявляется в том, что она содержит в себе богатства духовной жизни прошлого всего человечества, по крупнице добавляя к ней гуманную мудрость современности. Но у культуры — этого величия человека-творца — всегда существовали и существуют злые враги. Те, кто ее защищает, стоит по одну сторону жизни, те, кто нападает на культуру, — по другую. Разделяющая их линия делит на разные классы не только жителей планеты, она проходит и через сердце каждого человека.

Это было в Нью-Йорке. Однажды поздно вечером зазвонил телефон. Я был уверен, что это очередная злая проделка тех, кто ограбил мою квартиру, кто не давал отдыхать, нагло названивая мне по ночам. Подняв трубку, я услышал по-русски:

— Привет из Вильнюса!

Прошлой ночью какой-то тип сладким голосом передал мне по телефону привет из пекла. Не отвечая, я положил трубку. Телефон зазвонил снова.

— Нас разъединили... Я — Расул Гамзатов... Привез приветы из Вильнюса,— услышал я.— Извините, что звоню так поздно... Только сейчас прилетел из Москвы...

Через полчаса я уже был в гостинице «Сталтер-Хилтон», где меня крепко, словно горный медведь, обнял Расул Гамзатов.

Несколько дней спустя мы с Расулом были гостями прогрессивного американского писателя Роюса Мизары, литовца по происхождению.

Роюс Мизара неоднократно бывал в Советском Союзе. Расул Гамзатов прибыл в Америку впервые.

— На каком языке вы пишете свои стихи? — спросил хозяин.

— На аварском, — ответил дагестанский поэт. — На этом языке разговаривают всего 70 тысяч человек.

— Но вашей поэзией восхищаются миллионы людей во всем мире!

— Поэзию моего народа вывело в свет русское слово, — сказал Расул Гамзатов.

Его слова повторяют сегодня и литовские поэты.

В Жемайтии, там, где скрещиваются автомагистрали Рига — Калининград и Каунас — Клайпеда, на холме стоит впечатляющий монумент — женщина держит в руке дубовую ветвь — символ победы. Это благодарность литовского народа воинам Советской Армии — освободителям. Советские воины, идя на смерть, принесли нам жизнь. Все, кто проезжает мимо этого холма, останавливаются, чтобы поклониться павшим героям. Пока над моим родным краем будут проплывать белые облачка, пока его янтарный берег будут омыwać волны Балтики, литовский народ не забудет героизма освободителей, подвига советского солдата.

У каждой эпохи свой ритм жизни. От принципа получения электротока, открытого Гальвани, до создания первой электростанции минуло столетие. От открытия минеральных удобрений в лабораториях до их использования на полях столько же. Двадцатый век не любит медленных шагов. От изобретения полупроводников до их применения прошло всего 15 лет. Практическое применение принципов атомистики, кибернетики, генетики не ждет сегодня столетия или даже десятилетия. Впечатляющие быстрые шаги Страны Советов, прогрессу которой придают ускорение идеи коммунизма.

Многое в жизни меняется быстро. Однако ценности мира культуры остаются неизменными. Греки читают сегодня переводы «Илиады» и «Одиссеи» с греческого на новогреческий. Изменился язык, но не изменилась суть этих литературных шедевров античного мира. И англичанам сегодня не просто читать Шекспира в подлиннике. Но зато мысли и идеи Гомера и Шекспира люди понимают и будут понимать независимо от развития языка.

Незыблемые и непреходящие ценности дала человечеству Октябрьская революция. Полвека спустя после того, как мир потрясли залпы «Авроры», многое изменилось. Ленина, который в суровые дни гражданской войны обдумывал план ГОЭЛРО, в странах Запада называли фантазером. Но когда меньше чем через полвека Юрий Гагарин первым в истории человечества облетел земной шар, никто больше на Западе не осмелился назвать советских людей фантазерами.

Однажды в Москве я посетил фотовыставку, которая называлась «Род человеческий». Тут были представлены 503 работы различных фотографов мира, собранные выдающимся американским художником Эдвардом Штейхеном. Они отражали жизненный путь человека со дня его рождения до смерти. Эти волнующие снимки пробуждали

чувство гордости за человека. Выставка воспринималась как симфония бессмертия и торжества человека.

Несколько лет спустя довелось мне еще раз увидеть ту же выставку в Нью-Йорке, в Музее современного искусства, и теперь, когда я разглядывал те же снимки, мне показалось, что они рассказывают о бессилии человека, о его фатальной гибели.

Что ж вызвало столь разные впечатления? Возможно, это произошло потому, что на выставку «Род человеческий» в Москве я шел по бульвару, где резвилась детвора, а прежде чем попасть на выставку в Нью-Йорке, пришлось проезжать по Бауэр-стрит, где живут американцы, опустившиеся на самое дно жизни.

И все же поддаваться настроению не следует: еще недавно, подожженная гитлеровцами, пылала деревня Пирчюпис вместе со всеми своими жителями, а сегодня здесь бурлит жизнь, стоит памятник жертвам, действует школа, построена светлая библиотека.

И самые большие лжецы порой говорят правду. Недавно такое произошло и с выходящей в Кливленде газеткой, выражающей настроения незначительной профашистски настроенной группы эмигрантов-литовцев. Она напечатала статью Стасиса Жимантаса, где в ссусе злых вымыслов плавало и несколько слов правды:

«Когда нацисты стремились унизить своих узников перед тем, как уничтожить их, они приказывали им радостно танцевать вокруг виселиц и петь гимны благодарности своим палачам. Это был один из самых изуверски изощренных способов уничтожения людей...»

Не верить этим словам нельзя не только потому, что в истории кровью и пеплом навеки зафиксированы ужасы коричневой чумы, но и потому, что процитированные ранее слова принадлежат прислужнику оккупантов Стасису Жакавичусу (в США он изменил свою фамилию, стал Жимантасом), который знает все это, как говорится, не по книгам, а по личным воспоминаниям активного пособника нацистских палачей.

На открытии в Чикаго памятника выдающемуся деятелю прогрессивных американских литовцев Ляонасу Прусейке (проект создали вильнюсский скульптор К. Богданас и архитекторы братья Насвитисы) «освободители» осквернили кладбище, развесив на деревьях фашистские лозунги. Их сегодняшние действия вытекают из вчерашних деяний.

Проживающий в США литовец-националист Бронис Райла признается:

«К чему сочинять громкие резолюции, произносить частные и официальные речи, созывать конгрессы культуры, содержать всевозможные якобы культурные общества и освободить Литву? К чему вся эта болтовня, если культурного литовского общества в США уже не существует? 250 земляков с книгой — не общество, это

лишь небольшая группа единичных читателей... Какая почва, какая этим летом погода, такой и урожай. На каменистом участке хорошая рожь или пшеница не растет, одни лишь сорняки. Не растут хорошие книги, журналы или газеты, если для этого нет плодородной общественной почвы, наконец, если нет такого общества, которому все это предназначается».

Эти слова, вырвавшиеся в минуту откровенности, — крик отчаяния. «Дует сильный ветер. Из-под колес автомобиля брызжет вода и гравий. Дорога плохая, и тяжелый автомобиль воеет, словно избиваемый. Витас Брукнис нажимает на тормоз...»

Так начинается свою написанную двадцать лет назад книгу «Одинокое деревья» проживающий в США католический борзописец Алоизас Баронас. Герои его книги живут в обстановке, созданной богатой авторской фантазией: одним росчерком пера Баронас возрождает в Литве власть помещиков, фабрикантов и духовенства. Каким образом произошло это чудо, не может объяснить даже он сам, но его герои живут уже не в Чикаго и Бруклине, а в деревне Гульбинай.

На 9-й странице своего труда автор поднимает прибывшего из США Брукниса рано утром в «собственном» поместье, подводит его к окну и вкладывает в уста еще не вполне проснувшегося барина следующие слова:

«Ничего они не получают. Ничего. Эта земля, скот и все, что было свезено сюда за 25 прошедших лет, — мое. Я здесь настоящий хозяин».

Приняв такое решение, Брукнис вызывает бывшего управляющего имением Антанаса и отдает ему первые распоряжения:

«Я вернулся, Антанас, ты снова будешь здесь. Ты мне нужен больше, чем был нужен моему отцу. Ты здесь будешь хозяином. Тебе и другим 25 лет говорили иное, но теперь все изменилось. В моих руках все. Мои доллары сильны. Увидишь. Одни уйдут, других мы прогоним. Пусть вешаются, нам-то что. Это хозяйство и усадьба моего отца».

Литовцы, отпраздновавшие ныне 35-летие освобождения от гитлеровской оккупации, читая подобный бред, только усмеваются: — Эк, куда хватил!

Деятель американского кино Ионас Мекас, уехавший в США после второй мировой войны, опубликовал мемуары под названием «Я, Америка и Литва». Его раздражают постоянные молитвы мистеру Доллару лишившихся в Литве своих фабрик и поместий бывших владельцев и постоянно повторяемое ими слово «свобода».

«Свобода, свобода, свобода. Всегда свобода! Но мне кажется, что мы еще и не начинали говорить о подлинной свободе, — пишет Ионас Мекас. — Все эти годы я слышал разговоры лишь о своих личных свободах, амбициях, своей собственности... Человек не может ни

почувствовать, ни понять свободу, не имеет права винить других в несвободе или говорить и судить о свободе других, в то время, как сам он превратился в ничто, когда так далеко зашли падение его собственных идеалов свободы, упрощение и измельчание подлинных эмоций».

Такова правда о литовской культуре и ее носителях за рубежом. Отсохшая ветвь не может цвести. Могучее древо литовской национальной культуры зеленеет на берегах Немана, глубоко пустив корни в родную землю.

Духовная скудость сегодняшнего капиталистического мира не может породить великие идеи. Однако глобальный антикоммунизм с присущим ему упорством старается использовать против прогресса все средства, имеющиеся в его распоряжении, в том числе и литовских буржуазных националистов, окопавшихся за Атлантическим океаном.

Ныне главная цель империалистов — девальвировать идеи социализма, вызвать в Советском Союзе и других социалистических странах эрозийные явления, особенно в сфере дружбы народов, хулить все, что дал советскому народу социализм, обливать грязью достижения нашей культуры и искусства.

Однако сегодня, когда рушатся воздвигнутые антикоммунизмом железные стены, когда ширится сотрудничество между народами, делать это нелегко.

Но дадим слово фактам и цифрам.

В буржуазной Литве насчитывалось 181000 неграмотных и 223000 малограмотных. Сегодня этот позор ликвидирован. В республике учится каждый третий человек.

В 1979 году Вильнюсский университет имени В. Капсука торжественно отметил свой 400-летний юбилей. В нем 17000 студентов.

Один лишь Каунасский политехнический институт имени Антанаса Снечкуса ежегодно выпускает в 4 раза больше дипломированных специалистов, нежели выпустили их все высшие учебные заведения Литвы за все годы господства буржуазии.

Классик советской литовской литературы Пятрас Цвирка писал о жизни в буржуазной Литве: «Сотни и тысячи взрослых юношей и девушек не использовались ни для каких более значительных творческих дел. В каждой избе литовского крестьянина, в каждой семье местечкового рабочего, в семье мелкого служащего прозябали молодые силы, которые не имели будущего, надежды и мечты которых разбивались об один трагически звучащий ответ: «Не нужен». И бродил этот «ненужный» по Литве призраком голода и предавался отчаянию, запивал, метался в поисках выхода, заглядывал в эмиграционное бюро, надеясь найти кусок хлеба и приличную жизнь в Бразилии или Аргентине».

Известный американский публицист Вильям Помрой, с которым мне недавно довелось вместе путешествовать по Литве, покидая Вильнюс, сказал: «Советская Литва — один из самых прекрасных цветов в букете советских республик».

Вот какие слова произнес он, увидев и узнав жизнь моего отчего края.

В Советской Литве сегодня работают 43000 дипломированных инженеров, 45000 дипломированных учителей, учится в 2—3 раза больше студентов, пропорционально численности населения, чем в Англии, Франции, Швеции. Промышленность республики в настоящее время производит за неделю столько продукции, сколько произвела ее за весь 1940 год. Промышленные изделия Литвы экспортируются более чем в 80 стран мира. Земледельцы Литвы получают вдвое большие урожаи, чем прежде. Расцвели культура, искусство. Литовские писатели, мастера сцены, художники и их работы пользуются широкой известностью в Стране Советов и за ее рубежами.

Некоторые западные социологи пытаются определить уровень культуры народа, учитывая килограммы израсходованного мыла и количество проданных автомобилей. У нас — иные критерии. Граждане Советской Литвы, не путая мыло с книгой, а жевательную резинку с посещением театров, имеют право гордиться тем, что литовский народ — один из самых читающих периодическую печать народов мира. Разовый тираж газет и журналов, выходящих в Литве, — 6000000 экземпляров. Это на три с половиной миллиона граждан республики!

Первая литовская книга увидела свет в 1547 году. Путь литовского печатного слова был труден и непрямым. И только в годы Советской власти положение коренным образом изменилось. В идущей дорогой социализма Литве издано 60000 названий книг более чем полумиллиардным тиражом.

Многогранную и богатую культуру нашей большой страны создают все братские советские народы. Звонкой струной в этом слаженном оркестре звучат и литовская литература, литовская книга.

Несколько лет назад вместе с группой литовских писателей я ехал в поезде из Москвы в Ленинград, чтобы вместе с ленинградцами отпраздновать юбилей основоположника литовской литературы Кристионаса Донелайтиса, который жил и писал четверть тысячелетия назад. Наше путешествие длилось восемь часов. В вагоне невольно ожили события, пережитые в Москве. Когда актриса А. Леймонтайте декламировала в Колонном зале Москвы начало поэмы Донелайтиса «Времена года», «Солнце, все выше вздымаясь, уснувший мир пробуждает...», на улицах столицы трещал русский мороз. Но он никому не помешал прийти в Колонный зал почтить память

литовского поэта. Зал был переполнен, здесь царил торжественное праздничное настроение. Между колоннами висело множество солнц, которые освещали большой портрет Кристионаса Донелайтиса — поэта земли и труда. Казалось, будто эти солнышки пришли сюда из книги поэта.

Надеялся ли кто-нибудь, что этого певца крепостных крестьян через 250 лет после его рождения будут чествовать в городе, который стал центром мировой культуры? Зал разразился бурными аплодисментами, когда Теофилис Тильвитис от имени литовских писателей вручил первому секретарю Союза писателей СССР Константину Федину барельеф Донелайтиса, изготовленный художником Эрикасом Варнасом. Русский писатель крепко обнял и расцеловал литовского поэта. Это была лучшая дань уважения литературным традициям Донелайтиса.

На встрече с выдающимися деятелями русской литературы, состоявшейся в Союзе писателей СССР в Москве, в доме, описанном Львом Толстым в его «Войне и мире», Алексей Сурков сказал: «Почувствуем долго жить у Кристионаса Донелайтиса».

Армянский поэт Ашот Граши назвал основоположника литовской литературы Араратом. Донелайтис — сын равнин, но армянский поэт имел право так назвать его, ибо поэт, перенесший двухвековое испытание временем, становится горой.

«Сто друзей — мало. А один враг — много», — учит пословица. Сегодня у Кристионаса Донелайтиса миллионы друзей во всем мире, но, как и в прошлом, только один враг — презрение к человеку, выращивающему хлеб. Следует ли удивляться, что за двадцать лет существования в Литве буржуазного строя ни разу не были полностью изданы все творения Кристионаса Донелайтиса?

Аплодисменты в залах Москвы вспыхивали не только в честь Донелайтиса, но и как знак уважения к современным выдающимся поэтам Советской Литвы. Их поэзия, их стихи отличаются от донелайтисовских, но вышли они из того же сердца, словно всходы ржи, посеянной той же рукой в ту же почву.

Как-то, находясь в США, прочитал я в газетке буржуазных националистов, что в Нью-Йорке, в библиотеке «Метрополитен», открыта выставка работ литовского художника Чюрлёниса. Пошел туда, но долго не мог найти выставки. После длительных блужданий одна из служительниц отвела меня в темный угол, где под стеклом были размещены репродукции картин Чюрлёниса. В этом конце коридора даже в ясный день было темно, и репродукции напоминали серые пятна. Американцы, незнакомые с творчеством Чюрлёниса, взглянув на эти пятна, наверняка теряли интерес к художнику. Мало того, организаторы выставки прикрыли репродукции полосками картона, чтобы скрыть от посетителей, что изданы они в Советской Литве. Продавшиеся за доллары «освободители» освободили себя от

всякого стыда! Но мыслимо ли узкой полоской картона отгородиться от жизни? Можно ли опровергнуть, что только в условиях советского строя талант литовского народа открылась «зеленая улица» в науку, искусство, культуру?

У колыбели человечества стоят культура и цивилизация. Однако это разные понятия. Достижения цивилизации могут помогать развитию культуры, но в злых руках они служат для ее уничтожения. Расисты Южно-Африканской Республики осуществили в Союзе резню с помощью оружия XX века. Пол Пот и Иенг Сари уничтожали народ Кампучии с помощью произведенных в Китае средств массового уничтожения людей. Атомные бомбы, сброшенные на Хиросиму и Нагасаки, были продуктом американской цивилизации, но не ее культуры.

Не все, что изобретается в мире по мере развития цивилизации, должно найти применение. Совесть человечества была бы куда чище, если бы вьетнамскую землю не заливали американским напалмом, если бы нацисты не сжигали людей в электрических печах.

Настоящее искусство и культура по своей природе не могут быть реакционными, как не может быть прогрессивного хамства, светлого предательства. Однако есть люди, которые стремятся навязать культуре эти свойства.

Сейчас все чаще говорят о бумажном кризисе. Для этого есть основания. Потребляется огромное количество бумаги. Американцы подсчитали, что для напечатания одного лишь воскресного выпуска газеты «Нью-Йорк таймс» надо вырубить 10 гектаров леса, что на техническую документацию самолета «Боинг-707», который весит 26 тонн, требуется 23 тонны бумаги. Только за нынешнее столетие на одну треть уменьшились площади лесов нашей планеты. Может, кризис угрожает и книге? Угрожает, но только не из-за отсутствия бумаги.

У книги и бумаги нет общих истоков. Почему их должна ждать одна судьба? Книги существовали, когда человек еще и не знал о бумаге. Книги древних шумеров и ассирийцев были написаны на глиняных табличках или высечены на камне. Шедевры древней литературы, такие, как «Илиада» и «Одиссея», веками передавались из уст в уста, пока не были записаны на бумаге. Какой книга станет в будущем, трудно сказать. Но одно ясно уже сейчас — она и тогда будет повсюду сопровождать человека, как его лучший друг. Те, кто сжигал книги, сожгли только бумагу. Книги уцелели, поскольку они вечны, как вечно движение человека по пути культуры, прогресса.

Свой вопрос «С кем вы, мастера культуры?» Максим Горький задал в решающий момент истории. То, что мастера культуры встали против фашизма и империализма, способствовало спасению человечества. Сегодня мы тоже переживаем решающий исторический момент.

Судьба человечества зависит от общественно-политических убеждений отдельных индивидов. Напрасны усилия некоторых буржуазных идеологов сравнить человеческое общество со стадом баранов или утверждать, будто в век развитой техники человек автоматически отделяется от политики.

Те, кто берет в свои руки знамя культуры и несет ее вперед, не могут не иметь передовых политических убеждений.

Одна из характернейших черт буржуазного общества — стремление все свести к купле-продаже, к прибыли и убыткам. Покупаются и продаются самые светлые чувства человека — любовь, дружба, честь. Деньгами оценивается ум, творческий талант человека. Труднее всего буржуазии купить культуру. Потому что ее создают люди, имеющие собственные убеждения. В Донбассе я слышал из уст шахтеров фразу: «Кто не побывал в шахте, тот никогда не поймет красоту неба». Парифразируя ее, хотелось бы сказать: люди, которые не спускаются в светлые глубины литературы, искусства, музыки, довольствуются лишь прогулками по дороге, высланной материальными ценностями, никогда не поймут красоты социалистического образа жизни.

Недавно я побывал на строительстве БАМа. Пограничники катали нас по Амуру на катере. Мы разминулись с китайским патрульным судном. Я видел окаменевшие лица смотревших на нас китайских солдат. Больше всего поразил меня красный флаг на корме китайского судна, сделанного в Западной Германии. При виде флага рука инстинктивно шевельнулась для приветствия. Но застыла, так и не поднявшись. Красный флаг — священный символ международной солидарности трудящихся, а последыши Мао цинично прикрывают этим флагом свое ренегатство. Под сенью этого флага они водят дружбу с палачом Чили Пиночетом, с антикоммунистами из Вашингтона, под звуки «Интернационала» совершили они нападение на социалистический Вьетнам.

Я вспомнил флаги, которые несли китайские юноши на фестивале молодежи в Москве в 1957 году. Флаги были те же, но тогда несли их другие руки — руки наших братьев.

В дни ленинградской блокады полиграфисты этого города напечатали полумиллионным тиражом «Войну и мир» Льва Толстого. Книга может быть более прочной броней, нежели самая твердая сталь. Армии третьего рейха атаквали столицу СССР, а в то время в Москве, в скромной холодной комнатухе поэт Давид Бродский переводил на русский язык поэму Кристианаса Донелайтиса «Времена года».

Советские люди, защищая свою социалистическую Родину, защитили не только собственную культуру, но и культуру всего человечества.

Сегодня они твердо держат в своих руках знамя мировой культуры.

ЦВЕТЫ ДРУЖБЫ

...Литва...

*Липы, клены, стройные рябины,
Астр багряных пламенный разлив...*

*Край литовский, край ты мой любимый
Никогда ты не был так красив...*

*Ветер гонит тучи над землею —
В краски свет Чюрлёниса вдохнуть.*

*Вскинься, поднимись, зерно ржаное,—
Ждет тебя большой и трудный путь...*

Эдуардас Межелайтис

В каждом городе — свои достопримечательности. Ньюйоркцы, например, гордятся шумным, никогда не засыпающим Бродвеем. А жители столицы Советской Литвы, Вильнюса, — тихой, задумчивой горой Гедиминаса, с которой открывается вид на город — на узкие улочки старых кварталов и светлые, просторные квадраты недавно построенных районов, на башни костелов и стремящиеся к небу трубы новых заводов и фабрик, на зеленый бархат парков и на широкую голубую ленту реки Нерис.

Недавно я поднялся на гору Гедиминаса с одним американцем, моим добрым другом, с которым познакомились мы в Нью-Йорке; он приехал, чтобы посмотреть, как живут советские люди.

Над нами — на вершине древней башни, венчающей гору, — развевался Государственный флаг Советской Литвы. В 1944 году водрузил его здесь советский воин, содрал с древка гнусную черную свастику третьего рейха. Когда он взбирался сюда со знаменем в руке, вокруг еще свистели пули, догорали гитлеровские танки, лилась кровь.

Словно угадав, о чем напомнил мне развевающийся стяг, гость из Нью-Йорка вдруг попросил:

— Расскажите, как освобождали Вильнюс.

Я принялся рассказывать о страшных днях оккупации, о том, что неподалеку от Вильнюса, в Панеряй, гитлеровцы уничтожили 100 тысяч человек, о длившихся несколько дней уличных боях, о том,

что Вильнюс был разрушен больше чем наполовину — фашисты оставили после себя груды пепла и развалин...

— Знаете, почему я попросил вас рассказать об освобождении Вильнюса? — спросил мой собеседник и, не дожидаясь ответа, добавил: — Потому что продажные газетчики у нас, в США, до сих пор не могут уняться, вовсю вопят о так называемом «порабощении» Литвы, Латвии и Эстонии, о необходимости «освободить» их...

Эту беседу я вспомнил, когда прочел заметку о том, что правительство США и теперь проводит «неделю порабощенных народов», уже достаточно скомпрометировавшую себя прежде, а конгресс вновь принял антисоветскую резолюцию, обвиняющую СССР в «притеснении прибалтийских народов».

Американские конгрессмены и хозяева Белого дома не первый раз позволяют себе делать подобные заявления по поводу добровольного вступления Литвы, Латвии и Эстонии в состав Советского Союза. Глухие к урокам истории деятели продолжают предпринимать попытки изобразить белое черным, посеять в землю худое семя: авось что-нибудь да прорастет!

Конечно, доказывать империалистам, что следовало бы предоставлять народам самим определять, какой образ правления их больше устраивает, столь же наивно, как учить пантеру милосердию. И все-таки, прочитав дошедшие до нас через Атлантический океан «новости», трудно удержаться и не возразить.

...В Вильнюсе, в огромном парке Вингис, проходит традиционный праздник песни. В нем участвует тридцатитысячный хор. Над городом несетя литовская дайна, славящая мир, труд, человека. Люди Неманского края не могут жить без песен. Грустные, надрывные песни сопровождали нас в тяжком и горестном прошлом, боевые, поднимающие дух — вели на борьбу за свободу; сегодня песня помогает нам творить, строить будущее.

Прислушайтесь к этой песне, господа американские конгрессмены, все те, кто голосовал за резолюцию, призывающую вмешаться в дела нашего края, вслушайтесь в наш ответ!

Если расстояние, отделяющее Советскую Прибалтику от Соединенных Штатов, помешает вам расслышать слова песни, — спросите о них у ваших граждан, спросите у американских туристов — гостей, которые побывали у нас на праздновании сорокалетия Советской Литвы.

Те, кто стремится разрушить дружбу между литовскими и другими народами Советского Союза, те, кому выгодно сеять семена недоверия и ненависти, разобьют лбы о стену фактов.

Только благодаря бескорыстной помощи братских народов моей Литве удалось быстро залечить раны, нанесенные ей в годы гитлеровской оккупации, и теперь она семимильными шагами идет вперед.

В Вашингтоне любят утверждать, что советский строй был навязан

нам силой, что он и теперь подавляет национальную культуру Литвы. Несуветная ложь!

Один из депутатов литовского сейма заявил в 1936 году: «Страна наша не богатая, нет полезных ископаемых, и с этим надо считаться. Уже сейчас у нас достаточно безработных интеллигентов, что же будет, если все дети начнут учиться?» Какое счастье, что те времена канули в прошлое! Сегодня ни у кого не вызывает беспокойства рост числа образованных советских людей.

В резолюции, принятой американским конгрессом, демагогически утверждается, что США поддерживают «стремление прибалтийских народов к самоопределению». Надо заметить, что конгрессмены изрядно запоздали. Трудящиеся Советской Прибалтики давно самоопределились!

За социалистический строй трудящиеся-литовцы голосовали в 1918—1919 годах, защищая молодую Советскую Литву от собственной буржуазии, которой пришли на помощь интервенты всех мастей, в том числе и американцы. Подобное было в Латвии и Эстонии. Наши народы взяли власть в свои руки в 1940 году, когда в Европе уже полыхал пожар второй мировой войны: они свергли ненавистные буржуазно-фашистские правительства и избрали народную власть.

...В дни, когда Литва была принята в семью братских советских республик, Саломея Нерис писала:

Маленький мой край — как золотая
Капелька густого янтаря.
Он блестит, в узорах расцветая,
Льется в песнях, радостью горя.

За годы, прошедшие с тех пор, наша песня стала звонче, радостнее, увереннее.

Там, где озеро Друкшяй, когда поднимается ветер, гонит свои голубые волны к песчаным, поросшим сосной берегам, встречаются земли трех братских республик — Советской Белоруссии, Советской Латвии и Советской Литвы. Прекрасна природа этих мест, хотя земля здесь никогда не баловала пахаря щедрым урожаем. Издавна жили близ этого озера люди трудолюбивые, большого сердца, глубоких чувств — литовцы, белорусы, латыши. Жили они, как товарищи, братья, друзья, хотя долгие годы разделяли их государственные границы и национальная обособленность. Только Советская власть ликвидировала эти искусственные барьеры, создала условия, когда жители этих мест смогли протянуть друг другу руку дружбы, распахнуть друг перед другом свои сердца.

Улеглась буря второй мировой войны, ветер развеял пепел пожарниц, и на берегах озера раздавался уже не грохот танков, а гул пахущих землю тракторов. Тогда проживающие в округе латыши, белорусы и литовцы решили совместно построить гидроэлектростанцию и назвали ее именем Дружбы народов.

Эта гидроэлектростанция по сравнению с другими энергетическими гигантами нашей страны очень скромна. Но для людей, живущих на берегах озера, она дорога тем символическим смыслом, который ощущают в ней не только местные жители, но и все белорусы, латыши и литовцы, все народы нашей страны, ибо эту ГЭС породило тепло братской дружбы.

Спустя двадцать лет после того, как трудолюбивые руки колхозников трех республик перекрыли ручей, текущий в Друкшяй, в колхозе имени Адама Мицкевича, на берегу озера, собрался большой отряд журналистов Белоруссии и Прибалтики, чтобы поделиться своими замыслами, идеями, планами.

Гостями лагеря журналистов были известный латышский писатель Жан Грива, интербригадoveц, сражавшийся на фронтах гражданской войны в Испании, и лауреат Ленинской премии Эдуардас Межелайтис, проводивший в этих местах не один месяц вместе со строителями гидроэлектростанции и написавший тогда свою «Братскую поэму».

— Здесь, в этих местах. — взволнованно рассказывал он участникам встречи, — родилась не только моя «Братская поэма». Здесь у меня начали формироваться мысли и идеи, которые впоследствии увидели свет в книге «Человек».

Целеустремленный труд, родившаяся в борьбе и труде дружба дали не только струящийся по проводам электрический ток. Совместный труд и братская дружба обеспечили нам все то, что мы сегодня имеем — светлую жизнь, широкие горизонты будущего.

По производству и использованию электроэнергии Литва в годы господства буржуазии занимала одно из последних мест в Европе. За годы Советской власти, с сооружением Каунасской гидроэлектростанции, тепловой электростанции в городе Электренай и многих других электростанций, производство этой энергии XX века возросло в республике в 133 раза. Сегодня у нас на душу населения приходится в среднем по 3300 киловатт-часов в год, то есть столько же, сколько в Италии. Неподалеку от электростанции «Дружба народов» сооружается ныне Игналинская атомная электростанция. Вскоре будет пущен ее первый реактор мощностью 1,5 миллиона киловатт. Реакторов такой мощности пока еще нет в мире.

На Урале проходили дни литературы. Рабочие Дегтярских медных рудников пригласили нас — группу писателей — спуститься в шахту.

Никто уже не помнит сейчас, у кого тогда возникла мысль организовать литературный вечер-экспромт на глубине 450 метров. Каменные стены и потолки служили отличными резонаторами для голосов писателей. Покрытые трудовой пылью электролампы освещали наши лица. Лирично, но твердо, спокойно и мощно звучали стихи. Глубоко под землей каждое слово становилось ярче и словно обретало глубокий смысл.

Свердловчанин Лев Николаевич Сорокин — уважаемый и любимый на Урале поэт. Лицо у него всегда ясное, а взгляд непоколебимо спокойный. Мы уже несколько дней путешествовали вместе, и мне казалась, что ничто не в состоянии вывести его из равновесия. Но сейчас и он был взволнован. Природа сурова, люди — сильны. Добрая земля отдает свои богатства только отважным. Такую правду жизни воспевает Лев Сорокин. Поэт понимает рудокопов, рудокопы поняли поэта.

Читали свои стихи и другие поэты. Затем наступил мой черед. Я с волнением ждал этого момента: в жизни не написал ни одного стихотворения. Вдруг осенила спасительная мысль — прочитать стихотворение первого литовского пролетарского поэта Юлиуса Янониса «Кузнец».

Шахтеры, словно окаменев, слушали слова литовского поэта, которые звучали, как удары кузнечного молота, как биение человеческого сердца. Слова, подобные полету бабочки, здесь не прозвучали бы. Они не вгрызались бы в твердый камень, не доходили бы до сердца тружеников.

Янониса я читал по-литовски, но меня поняли. По ритму, по настроению стиха понять поэзию в состоянии только люди чуткого сердца, только поэты. Шахтеры — поэты, ибо они, работая глубоко под землей, мысленно всегда стремятся к солнцу, ибо они крошат скалы, чтобы превратить их в сверкающую медную реку. А медная река превращается в колокол, возглашающий приход весны. Металл, из которого отлит колокол, — поет, и эхо колокола — поэзия. Есть поэты, стихи которых напоминают звон серебряных ложек, хрустальных кубков. Есть такие, чей голос напоминает удары колокола, отлитого из тяжелого чугуна. Юлиус Янонис — поэт весны Октябрьской революции. Его голос могуч и звонок, как уральская медь.

Где началось звучание сердца Юлиуса Янониса? В зеленых лесах его родины, на спокойных биржайских полях? Или под звездным небом воронежских просторов, куда привела юного поэта беспокойная жизнь? А может быть, заставили это сердце биться поэзией твердые камни улиц революционного Петрограда?

Когда мы поднимались из недр медных рудников на озаренную солнцем землю, я уже знал, что начало поэзии Янониса можно отыскать и на Урале, хотя он никогда и не бывал здесь.

Улицы, как люди, похожи друг на друга только издали. Я шагал по широкой магистрали, которая носит имя Марите Мельникайте, моей землячки из Зарасай, и думал о том, что другой такой улицы в мире нет, как нет и другой Марите Мельникайте.

Улица Марите Мельникайте — одна из самых красивых и широких в новом районе на юго-востоке сибирской Тюмени. Ее простор напоминает размах великих сибирских рек, ее красота — красоту

духовного мира живущих тут людей. Район начал застраиваться в 1963 году. Теперь здесь высятся четырех-пяти- и девятиэтажные дома.

В Тюмени приобрел я книгу «Герои тюменской земли», составленную из очерков о 76 тюменцах — Героях Советского Союза. Среди них есть и очерк о короткой, но яркой жизни дочери литовского народа Марите Мельникайте, о ее бессмертном подвиге, о прекрасных и глубоких следах, которые оставила эта девушка на сибирской земле, вдали от своего родного города Зарасай.

В первые месяцы войны приехала в Тюмень Марите Мельникайте. Устроилась на завод «Механик». Когда после нелегкого рабочего дня шла по городу, ни улицы, носящей сегодня ее имя, ни вообще всего этого района не существовало. Тогда тут стеной стояла тайга. А ныне в окнах жилых домов отражается солнце.

Пройдя из конца в конец улицу Марите Мельникайте, я направился в женское общежитие «Сибирячка», где живет прядильщица Лидия Касьянова.

В просторном холле многоэтажного дома на большой, во всю стену, доске объявлений висел плакат, гласивший: «Защита мира — дело всех и каждого». На одной стороне его — портрет Марите Мельникайте, на другой — фотография симпатичной девушки, той самой Лиды Касьяновой, с которой я хотел встретиться.

Несколько лет назад комсомольцы крупнейшего суконно-волоконного комбината решили выполнять не только свои производственные нормы, но трудиться и за тех парней и девушек, которые в годы Великой Отечественной войны ушли на фронт и погибли в борьбе за свободу и независимость нашей Родины. Именно тогда над одним из станков в прядильном цеху появилась надпись: «Здесь работает Герой Советского Союза Марите Мельникайте». Станок этот — в дополнение к своим основным — заботливо обслуживала молодая прядильщица Лидия Касьянова. Заработанные на нем деньги она передавала в Фонд мира. Лида была премирована туристской путевкой для поездки в Советскую Литву. «Как сердечно встречали нас в Литве!» — улыбается она.

Умеет и любит улыбаться здешний народ. Сурова северная природа, неласковой бывает. Но приветливость и горячий энтузиазм сибиряков как бы смягчает ее. Только сильный человек имеет привилегию в любой обстановке сохранять хорошее настроение. И сибиряки всегда пользуются этой привилегией — шутят, улыбаются. Приезжий человек может найти немало причин для неудовольствия, а местный не теряет присутствия духа, и тогда, когда мороз жмет под минус пятьдесят, и тогда, когда летом не дает житья гнус. Когда человек улыбается, ему и холод не так страшен, и мошка не так назойлива, и непролазные болота не так уж непроходимы!

В Тюмени еще живут люди, которым довелось работать вместе с Марите Мельникайте. Они хорошо ее помнят. У входа на

станкостроительный завод установлен памятник тем, кто ушел отсюда на фронт и не вернулся. Там высечено имя и Марите Мельникайте. На этом заводе, который прежде назывался «Механик», отливали когда-то кухонные чугушки. В советское время здесь начали делать лесопильные рамы, а в годы войны — мины и снаряды для фронта. Теперь тут более двух тысяч рабочих. Они изготавливают сложные станки, идущие на внутренний рынок и на экспорт.

Ночью мело. Белый пушистый снег покрыл цветы, положенные вчера на пьедестал памятника. Мы вошли в те самые ворота, куда в 1941 году вошла Марите Мельникайте вместе с другими литовскими девушками и юношами, которых в те горькие, тяжелые для нашей республики дни приютили добросердечные русские люди.

— Я очень хорошо помню Машу, так называли мы Марите Мельникайте, — рассказывает Александр Владимирович Веды. — Учил ее работать на станке. Она у меня была одной из первых учениц. Маша была очень веселой девушкой, но отнюдь не легкомысленной! Недаром комсомольцы цеха избрали ее своим секретарем. Как-то с сияющим лицом вернулась она из Омска (тогда Тюмень входила в состав Омской области) и сказала, что ее просьба об отправке на фронт удовлетворена. В тот день, когда Марите покидала нас, комсомольцы цеха досрочно выполнили свои дневные нормы, чтобы проводить ее до военкомата.

Сибирская земля и земля Зарасай, где растет знаменитый Стельмужский дуб — старейший в Европе, заложили в душу Марите любовь ко всей нашей великой Родине. Железо закаляют огнем и ледяной водой. Чуткое сердце Марите Мельникайте закалялось, когда в Литве ей вручили комсомольский билет, когда в Тюмени делала она мины для фронта, когда, выполняя боевое задание, прыгала с самолета на землю оккупированной Белоруссии, когда под вражескими выстрелами плыла через Даугаву, чтобы пробраться в родную Литву.

Русская девушка Лида Касьянова, обслуживающая станок, на котором символически работает литовка Марите Мельникайте, прядет нити из волокон, основой которых является нефть, а ее энтузиазм и юношеский порыв ткнут удивительный пояс дружбы наших народов. Этот пояс дружбы, словно сверкающая на солнце радуга, соединяет берега Немана и Оби, равно как и людей, живущих на этих берегах, хотя между ними Уральские горы, сотни рек, лесов и полей — расстояние в четыре тысячи километров. Этот пояс прочен, широк и вечен, ибо выткан из трепетных нитей тончайших душевных чувств, из братства и сердечности советских людей.

...Самолет шел на снижение. Скоро мы ступим на землю Сургута. Сургутский район не самый крупный в Тюменской области, однако его территория вдвое больше, чем территория всей Советской Литвы. На языке местных жителей Сургут означает «рыбное место». Еще совсем недавно о нем знали лишь те, кто летом плыл по Оби в Ледовитый

океан. Запасы жидкого черного золота, миллионы лет спокойно дремавшие под болотистой землей тундры, фонтанами вырвались на поверхность, неся Сургуту славу короля нефти. Вместе со славой всегда приходит и ответственность. Вот почему в этом городе, где теперь проживает 80 тысяч человек, жизнь не похожа на выраввшийся нефтяной фонтан, а представляет собой четко организованный и планируемый результат творческой деятельности человека.

Когда самолет приземлился, мой взгляд невольно принялся отыскивать серо-черные нефтяные пятна. Ведь я представлял себе тюменскую землю как огромную бензоколонку: с запахом нефти и ее загрязняющими окружающую среду отходами, которые теперь нередко встретишь на обочинах наших дорог. И был приятно удивлен: люди в этом краю бережно охраняют природу. Нефть и газ знают свое место — в резервуарах, металлических трубах, цистернах.

Заместитель начальника «Главтюменьнефтегаз» Юрий Борисович Файн принял меня в кабинете, стены которого были увешаны диаграммами и чертежами. За окном виднелся коток, где тренировались конькобежцы. На столе пыхтел электрический самовар.

— Чаю или кофе? — радушно предложил Юрий Борисович.

Какой там кофе в Сибири! Здесь самый главный напиток — чай, им не только согреваются, угощение чаем — проявление доброго расположения к гостю.

Сидя в удобном кресле и попивая чаек, я все глубже и глубже проникал в недра Западно-Сибирской низменности, пока не добрался до пластов черного и голубого золота. В этом увлекательном путешествии по пластам земли и океанам времени моим проводником был Юрий Борисович. За заслуги в добыче нефти он вместе с группой ученых и практиков отмечен Ленинской премией.

— Добыча нефти ежегодно увеличивалась, — говорил он. — Представьте-ка этот годовой прирост: заполненные только им железнодорожные цистерны растянулись бы на многие тысячи километров, передняя находилась бы в Хабаровске, а задняя — в Вильнюсе!

В тот день, когда мы стояли возле проложенного через Обь двухкилометрового железнодорожного моста, было пасмурно, и противоположного берега реки не видно. Казалось, что перед нами скованное льдом море, в которое гигантскими шагами уходит и тает в белом тумане широкий и очень высокий мост. Мне даже почудилось, что этот мост соединяет реальную твердую землю с загадочной неизвестностью, в которую человек посылает длинные составы с цистернами только что добытой из земных недр нефти. Однако этот образ — лишь плод обмана зрения и взбудораженной огромным пространством фантазии. Другой берег Оби тоже тверд и реален, и мост не тает в холодном тумане, и составы катят не в неизвестность, а в промышленные районы, для которых нефть словно материнское молоко для младенца. Когда путешествуешь по тюменской земле, очень часто нелегко отделить полет воображения от конкретной

реальности. Кое-кто называет эту землю, гладкую, как ладонь великана, сибирским сфинксом. Однако загадочность этой земли порождается нескончаемыми открытиями.

Сто лет понадобилось нефтяникам Баку, чтобы довести добычу до 30 миллионов тонн в год. В Западной Сибири этот уровень был достигнут за шесть лет. Но какой гигантский труд стоит за этим!

Мы ехали на буровую. Секретарь Сургутского райкома партии Владимир Михайлович Трифонов рассказывал о своем районе с такой любовью, будто именно здесь самый приятный для человека климат. Мы завели было разговор об охоте, но в этот момент в машине зазвонил радиотелефон. В условиях Севера радиотелефон и транзисторный телевизор в автомобиле вовсе не предметы роскоши, а продиктованная местными условиями жизненная необходимость. Это глаза и уши человека, помогающие ему в работе, экономящие много ценных минут. Во время нашей поездки Владимир Михайлович решил по телефону несколько важных вопросов, а когда я заикнулся, что хотел бы поговорить с находящейся за 900 километров отсюда Тюменью, соединил с нужным абонентом быстрее, чем я успел припомнить отчество своего тамошнего знакомого. Потом меня соединили с Москвой... Дальний сибирский север, а расстояние до него стало куда короче! Жители Сургута имеют возможность с помощью искусственного спутника Земли смотреть три телевизионных программы, в том числе две московских.

Наконец впереди возникла воткнутая в серое небо буровая вышка. На первый взгляд странная вышка — не сквозные металлоконструкции, а сплошная, обшитая досками узкая пирамида. Видно, как дрожат деревянные стенки. День и ночь моторы гонят в глубь земли воду, которая вращает там турбину. Геологи находят богатства, составляют карты, однако взять эти богатства должны нефтяники и газовики. Их буровые вышки прокладывают нефти и газу надежную дорогу на поверхность. Машины умны лишь тогда, когда ими управляют умные руки. Руки у буровиков чуткие и одновременно крепче железа: ведь железо иногда не выдерживает 50-градусного мороза!

— Небось, лета ждете не дождетесь? — сочувственно спрашиваю я у бригадира Антона Тимофеевича Брысина.

— У зимы есть свои плюсы, — отвечает он. — Ведь работаем-то на болотах. Зимой под ногами как-никак твердый грунт. А попробуйте-ка летом перебросить стотонную буровую с оборудованием на другое место. По топям, по болотам — ох, нелегкое дело!

После встречи с буровиками, которые работают в условиях полярной стужи, мы попали на Сургутскую ГРЭС, где стояла поистине тропическая жара. Шесть генераторов, каждый мощностью 210 тысяч киловатт, смонтированы под одной крышей и гудят, как гигантские пчелы. Жизнь их поддерживает получаемый при добыче нефти попутный газ.

Над бескрайними болотами бегут от Сургутской ГРЭС линии электропередач. Ажурные железные великаны держат в своих крепких руках провода. Не простое дело — установить опоры ЛЭП там, где слой вязкого торфа достигает глубины 30 метров. Тогда человек призывает на помощь созданных его собственными руками железных птиц. Вертолеты поднимают и держат в воздухе металлические конструкции, пока их не смонтируют. Никто сегодня не может сказать, где в Сибири кончается реальность и начинается фантастика, точно так же, как не может сказать, где здесь простой, будничный труд, а где героизм.

Еще в 1684 году в Тюмени был устроен водопровод. На каждого жителя приходилось в сутки по полтора ведра воды. Сохранились толстые, сверленные стволы лиственниц, по которым текла в дома горожан живительная влага. Укладывали их изобретательные русские люди глубоко под землей, чтобы во время зимних морозов вода не замерзала, не свала деревянных труб. Прокладывают в Тюмени трубы под землей и ныне. Только теперь они не деревянные, а металлические. И длина их исчисляется не десятками метров, а тысячами километров. Течет же по ним не вода, а нефть и газ. Эти трубопроводы разбегаются из тюменской земли во все стороны, словно лучи.

Уже функционирует нефтепровод Сургут—Новополоцк. Кстати, трасса его продолжена. По нефтепроводу Новополоцк—Мажейкяй нефть из Сургута идет на нефтеперерабатывающий комбинат, построенный на севере Литвы. На территории Литвы нефтепровод проходит через Биржайскую пущу, где в годы Великой Отечественной войны советские партизаны создали неодолимую для врага крепость. В этой пуще сражался и партизанский отряд, в котором была Марите Мельникайте.

Тюменскую землю объединяет с землей Литвы и славный подвиг Марите Мельникайте, и замечательный труд прядильщицы Лиды Касьяновой, и героизм всех советских людей на фронтах рабочих пятилеток.

Коротки здесь зимние дни. Солнце едва успевает подняться над горизонтом и уже садится. Мы ночевали за городом, в красивом лесу, в доме отдыха нефтяников и газовиков. Воздух тут кристально чист, тишина неправдоподобная. Кажется, что в мире остановились все буровые, перестали вращаться генераторы и турбины. Но к абсолютной тишине, как и к адскому грохоту, необходимо привыкнуть, поэтому сначала и сон меня не брал. Мысли летели в Сургут, Тюмень, Вильнюс, пока не растаяли в бесцветной звонкой тишине.

...Утро принесло труженикам тюменской земли новый день. Беспokoйный. Короткий. Радостный. Такой же день ждет и тружеников моей родной Литвы. Ибо ничего нет краше радости труда, радости созидания.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Права человека по-американски	3
Капли грязи	15
Колокол вечной весны	23
Мы помним...	33
В чьих руках знамя культуры	42
Цветы дружбы	53

Альбертас Казевич Лауринчюкас

**КАПЛИ ГРЯЗИ
И ЦВЕТЫ ДРУЖБЫ**

Редактор Ю. С. Новиков.

Технический редактор Е. Н. Щукина.

**Сдано в набор 19.12.80 г. Подписано к печати
18.02.81. А 00337. Формат 70×108¹/₃₂.
Бумага газетная. Гарнитура «Школьная»
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80.
Учетно-изд. л. 4,02. Тираж 100 000 экз.
Изд. № 302. Зак. № 3531. Цена 25 коп.**

**Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. 125865. Москва, А-137,
ГСП, ул. «Правды», 24.**

Цена 25 коп.

Индекс 70668



ТОВАРИЩИ КНИГОЛЮБЫ!



Книгу можно не только купить, но и приобрести по выигрышному билету Всероссийской книжной лотереи. Стоимость билета 25 копеек, а сумма выигрышей от 50 копеек до 5 рублей.

На каждые 200 билетов—69 выигрышных.

По выигрышному билету можно получить книгу или другие товары по своему выбору из ассортимента любого книжного магазина или киоска на территории РСФСР. Участвуйте в розыгрыше билетов Всероссийской книжной лотереи!

**Дирекция Всероссийской
книжной лотереи**

